

18+

Писательский клуб «Альманах»
Страсти по Самайну — 2

Книга 3

Наталия Смирнова

Страсти

по Самайну – 2. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689542

ISBN 9785449844576

Аннотация

Самайн – время, когда ведьмы устраивают шабаши, духи бродят в мире живых, а умершие навещают близких. Праздник древних кельтов, который делит год на темную и светлую части. #«Страсти по Самайну» – сборник мистических рассказов, пропитанный атмосферой кельтской мифологии. Обряды, друиды, фейри, деревья – каждая история таит волшебный сумрак древних легенд и сказок. Текст, пунктуация и орфография авторов сборника сохранены без изменений.

Содержание

Евгения Болдырева	5
Дарья Бритара	46
Люся Быковская	67
Майя Гирш	109
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Страсти по Самайну – 2

Книга 3

Составитель Наталия Смирнова

Составитель Алия Латыйпова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4457-6 (т. 3)

ISBN 978-5-4498-4457-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Евгения Болдырева

@evgeniya.boldyreva

ПРЕДНАЧЕРТАННАЯ

Пролог

Комок грязи врезался в худенькую спину, прилип к волосам, да так и повис. Девона не дёрнулась. Медленно развернулась к обидчикам и тряхнула головой, от чего суглинок слетел под ноги.

Эхо дубовой рощи повторило противный смех троих мальчишек.

– Ведьма! – крикнул один из них, а другой снова запустил в девочку грязью.

На этот раз ком не достиг цели. Свернул в сторону и пролетел мимо, словно невидимая рука отвела его от Девоны. Обидчики дрогнули, но не отступили. Теперь уже хором они выкрикивали единственное слово, и медленно приближались. Их ядовитое «Ведьма!» могло ударить большее грязь, замарать сильнее, уязвить. Испугайся Девона – без раздумий бросилась бы на неё озлобленная свора, но девочка молча стояла на месте. Её взгляд с лёгким прищуром переходил от одного мальчика к другому, замечал обидные же-

сты, предупреждал:

«Лучше остановитесь!».

Но ноги отбивали ритм, и на каждый шаг звучало чеканное:

– Ведьма!

Тогда Девона вскинула руку, обратив её ладонью к обидчикам. Ухмыльнулась недобро уголком губ, когда те отпрянули, дождалась, пока замолчат и заговорила так, чтобы слышали:

– Соберитесь ветры с силой,
Защитите вы сестрицу!
Станет зыбкая земляца
Всем наступникам могилой!

Движение воздуха подхватило каштановые кудри, качнуло шерстяной подол платья, но тут же замерло. Улыбка девочки сделалась жёстче, злее. Вторая рука стала рядом с первой, и голос зазвучал твёрже:

– От судьбинушки унылой
Защитите, умоляю!
Накажите волчью стаю,
Скройте их в темнице стылой.

Пока звучало заклятье, нарастал гул. Старый дуб гнул свои ветви, тонкие деревья кланялись маленькой Девоне,

а ветер подхватывал комья грязи и швырял в спины удирающим мальчишкам.

* * *

– Заклятье откуда взяла? – хмуро спросил Айрде.

Девона показала другу язык:

– Сама сочинила. В отцовских свитках кроме рун можно много умных слов найти.

– Ты так довольна собой...

– Да, – согласилась девочка, и добавила с обидой, – а вот ты не спешил помогать.

Не справившись с раздражением, парень шумно выдохнул. Успел отвернуться от Девоны, чтобы не сбить с ног, зато повалил крепкое дерево, выбравшее неудачное место для произрастания.

С интересом слушала сероглазая проказница, как дух ветра ругается незнакомыми словами. Решала – порадовать ли отца новыми знаниями? Но тут Айрде успокоил свой гнев, и ответил:

– Ты не знаешь моей силы. Я мог навредить им.

– Велика беда! – фыркнула девочка, и ловко запрыгнула на ствол упавшего дуба.

Чудом удалось её другу не выкорчевать половину рощи. Справился, стало быть, удержал силу в своём призрачном теле. Вздыхнул без последствий, и заговорил спокойнее:

– Так ты никогда не найдёшь друзей. Тебя будут бояться.

– Да пойми же, Айрде, – протянула Девона с досадой, – я никогда не стану здесь своей! Пусть лучше думают, что ведьма, и стороной обходят.

Голос звенел обидой, выдавал потаённую боль и злобу, а обутые в мягкую кожу ножки изучали грубую кору дерева. Чуть поспешила девочка сделать шаг, зацепилась шнуровкой за сучок и с визгом полетела на жёсткие ветки. Ветер успел. Подхватил Девону, опустил на влажные листья.

– Спасибо, Айрде, – всхлипнула она.

Подрагивающие пальчики потянулись к щеке парня, желая погладить, поблагодарить. Только не было у бесплотного духа щеки. Вместо человеческого тепла, ощущала Девона прохладное движение воздуха, словно кто—то дул ей на ладонь.

– Ты мой друг, и другие не нужны.

Ветер невесело улыбнулся, и взъерошил тёмные кудряшки. Если бы наблюдал кто со стороны, точно решил, что здесь хозяйничают тёмные силы. Но крепкие дубы надёжной стеной охраняли тайны маленькой девочки и её верного товарища.

Айрде

Я проследил, чтобы Девона добралась до дома без приключений. Хватит с неё на сегодня. Эйдан встретил дочь у двери, впустил внутрь и рассеяно оглядел двор. Кивнул

в пустоту. Видимо, эта скупая благодарность предназначалась мне.

Интересно, неужели друид прознал о случившемся в роще? Или просто беспокоился из-за долгого отсутствия Девоны? Хотя он и не мог этого видеть, я кивнул в ответ, и медленно побрёл к полю. Там можно не сдерживать свою злость, лететь в полную силу, закручиваться вихрем и выть от раздражающей беспомощности. Ведь это моя вина, что девочку оторвали от матери и спрятали в деревне друидов.

Только долго ли сможет отец скрывать правду от Девоны? Долго ли сам смогу скрывать от неё, что имел возможность помешать страшному пророчеству, но не стал?

Глава 1

В ночь Самайна на широкой поляне горели ритуальные костры. Ведьмы прыгали через них, танцевали в рыжих отсветах и читали заговоры. Только в самом центре было темно. Сухой хворост в основании огромного кострища ждал своего часа, а рядом одиноко стояла женщина. Она тревожно поглядывала на верхушки тёмных деревьев, прислушивалась к дыханию леса, поглаживала вмятину на своём амулете. Болотным смрадом тянулось к ней предчувствие беды.

Наконец долгожданный гость пришёл. Качнул торопливо ветвями высокой сосны, пересёк поляну и промчался потоком под ладонью Бреды: «Я здесь! Поспеши!»

Однажды научившись понимать дух ветра, ведьма не потеряла этого умения. Потому, не теряя времени, она села на колени и поднесла к губам хворостину. Искры замелькали там, где палочки касалось дыхание. Задымилось, загорелось. Лёгкий всполох перетёк огненной лентой на ладонь, обвил тонкое запястье – поздоровался, и поспешил к кострищу. Не иначе как почувствовал волнение женщины.

Все ведьмы ковена бросили свои забавы, потому что в центре поляны творилось нечто странное. Робкий огонёк только успел зацепиться своими щупальцами за крепкую ветку, когда поток воздуха подхватил его и закрутил воронкой в сердце кострища. Полетели искры, затрещали палки, занялось пламя невиданной силы.

Бреда не стала ждать приглашения от ветра. Крепче сжала глиняный амулет и шагнула в огонь.

– Что случилось, Айрде? – спросила она, как только оказалась в мире духов.

Голубоглазый парнишка ухватил ведьму за руку, призывая следовать за ним, и уже на ходу ответил:

– Девона пыталась сбежать. Эйдан вернул её, но ему пришлось рассказать о пророчестве.

* * *

Впервые никто не встретил Бреду возле дома отца. Шагнув сквозь огненные врата, оказалась она под пеленой до-

жда и беспокойно оглянулась на костёр. Тот горел ровно, хотя и шипел под натиском воды – видимо, какие-то хитрости друидов не давали ему потухнуть. Убедившись, что дверь в мир духов не закроется, ведьма поспешила к хижине.

Мрачным взглядом встретил её Эйдан, и молча указал на соломенный топчан у стены. Там, прижав к груди колени, тихо всхлипывала Девона. Но, заметив гостью, девушка завыла раненой волчицей и проговорила с трудом сквозь рыдания:

– Мама, почему я?

Глава 2

#– Рождённая от ведьмы и друида,
Невинность свою сложит на алтарь.
Вздохнёт земля, где будет кровь пролита,
И выпустит из тёмных недр тварь.
На веки нерушимость договора
Своим кровавым росчерком скрепя,
Восславит имя грозного Балора,
Возмездие неся во все края.

– Куда собралась?

От неожиданности Девона оступилась и упала коленями в сухую хвою. Заозиралась по сторонам, пытаясь найти друга, крикнула в ночную тишину леса:

– Раньше ты не прятался от меня!

– Раньше не приходилось за тобой следить, – холодно от-

ветил ветер, и вышел из-за широкой ели.

Поднявшись на ноги, девушка усмехнулась:

– Попытаешься меня остановить?

Ледяное спокойствие на лице Айрде на секунду уступило место досаде, но голос прозвучал бесстрастно:

– Ты вернёшься домой. Сама, или с моей помощью.

Губы Девоны, растянутые в неестественной улыбке, задрожали от злости. Она медленно подошла к Айрде, не отводя взгляда от его глаз:

– И как же ты меня остановишь? Пусть я и единственная, кто видит твой человеческий облик, однако коснуться меня ты не можешь.

Желваки играли на лице парня, но Девона словно не замечала его злости. Приблизившись к Айрде вплотную, она протянула руку к его лицу и прошептала:

– В этом и беда, Айрде. Если бы ты мог дотронуться до меня, я уже была свободна...

Поражённый неприятной догадкой, парень отшатнулся от Девоны:

– Ты что, собираешься лечь под первого встречного лишь бы отменить Пророчество?

– Пророчество! – взвилась Девона, – Почему все уверены, что оно обо мне?

– Дочь ведьмы и друида...

– Я знаю, не напоминай!

Глаза Айрде полыхнули гневом:

– А если это правда? Если ты действительно приведёшь в этот Мир фомора? Готова ли будешь ответить за страдания людей?

– Я не готова одна страдать за всех!

Выкрикнула и испугалась. В повисшей тишине заметила, что лес больше не спокойный. Кряхтели старые сосны, бросали колючие иглы. Ломались тонкие ветви, а те, что покрепче, тянули к девичьей фигурке крючковатые пальцы. Да, Айрде не мог коснуться её, но мог остановить.

Смахнув слёзы обиды, Девона кинулась обратно к деревне, бросив напоследок:

– Почему ты так со мной?

Ответа девушка не узнала – ветер отнёс тихие слова. Ещё долго эхо нашёптывало верхушкам деревьев: «Потому что люблю тебя!»

Глава 3

С глухим стуком упал на земляной пол кувшин и прокатился по кругу. Эйдан скривился, но поднимать глиняный сосуд не стал. Вместо этого обратил взгляд на дочь и зашептал:

– Ты думаешь, о чём просишь? Практиковать магию без разрешения старейшин?

– А дедушка Кехта спрашивал разрешения, когда учил мою маму? – язвительно поинтересовалась Девона.

Пнув в сердцах несчастный кувшин, мужчина принялся

мерить шагами хижину.

– Если ты знаешь об этом, то должна понимать, какие беды принесло колдовство Брееде.

Девушка смотрела на метания отца, понимала его переживания, но сдаваться не собиралась. Резко шагнув наперекрест мужчине, она мягко улыбнулась:

– Пап, не волнуйся ты так. Я прошу только научить меня заклинанию защиты. Согласись, оно может пригодиться, если пророчество... обо мне.

– Ты в безопасности здесь, магия друидов охраняет деревню, – в тысячный раз повторил Эйдан свой главный довод.

Обычно на этом их споры заканчивались, но не сегодня.

– А если нет? – склонив голову, спросила девушка, – Если мальчишки снова заведут свою песню про ведьму и вытолкают меня за границу защиты?

Мужчина долго молчал, глядя на дочь. Искал в её глазах намёк на хитрость, малейший шанс зацепиться за неискренность. Девона выдержала взгляд, и наградой ей стал его ответ:

– Хорошо, я научу тебя. Перед рассветом, когда Кехта уйдёт к старейшинам.

Взвизгнув от радости, девушка порывисто обняла отца и шепнула:

– Спасибо! – Хитрая улыбка заиграла на её губах, но Эйдан этого не видел.

Люблю встречать рассвет на соломенной крыше хижины. Ловить первый вздох солнца над вершиной холма, согреть его теплом свои потоки. Но сегодня усидеть на месте я не мог. То ли попытка Девоны сбежать не давала покоя, то ли кровавые всполохи восхода нагоняли недобрые мысли.

Причина моих беспокойств вышла из хижины и сразу к лесу. Ни поздоровалась, ни взглянула в мою сторону. Думает, раз дух, то и боли не чувствую?

Я пошёл следом. Хмурый страж, влюблённый в невольницу. На поляне, где случилось наше противостояние, Девона остановилась и что-то зашептала. Я пытался разобрать слова, но вдруг почувствовал удар. Меня отбросило от девушки, закрутило неуправляемым смерчем. Оглушённый, я беспомощно смотрел, как Девона скрылась в чаще.

Глава 4

Морщинистая ведьма держала в руке тлеющие веточки и водила ими над глиняной миской. Надсадный голос произносил колдовские слова:

– Сажей стань ольха,
Догори дотла,
Растворись туман,
Колдовская мгла.

Покажи мне где
Прячется она,
Та, что демона
Пробудит от сна.

Пепел осел на дне миски, сложился в рисунок. Как карту читали его чёрные глаза ведьмы. То ли смех, то ли кашель вырвался из груди старухи, а губы растянулись в недоброй улыбке:

– Наконец-то.

* * *

Странный гул разбудил Брееду и заставил выбраться из-под шерстяной накидки. С соседней лежанки смотрела на подругу испуганная Кхиара.

Звук близился, наползал со стороны леса, обещал пришествие скорой беды. Обеспокоенные ведьмы выбежали из хижины.

На священной поляне собрался весь ковен. Даже старички покинули согретые ворожкой лежанки, собрались вместе и теперь мрачно переговаривались, нагоняя на сестёр ещё больший страх. В свете луны увидели они, как закручивается вихрь над деревьями, затягивает в себя ветки и камни, ломает вековые сосны. Потянулись ведьмы к поясным мешочкам с травами, приготовились дать отпор.

Только Брееда чувствовала в надвигающейся силе

не угрозу, а отчаяние. Ещё не понимая, что собирается делать, она пошла навстречу стихии. Кхиара окликнула подругу, но та лишь коротко бросила через плечо:

– Это Айрде.

Бреда не знала, кому сейчас требуется большая помощь и защита, но уверенно встала между сёстрами и хранителем своей дочери. Острые сосновые иглы царапали щёки, вихрь мешал идти, но ведьма упрямо передвигала ноги. Когда воздушный поток подхватил её и оторвал от земли, закричала:

– Айрде, остановись!

Но внутри воронки звуки словно исчезли. Ведьма не слышала саму себя, поднимаясь всё выше среди древесного сора и грязи. Стало трудно дышать. Из последних сил попыталась Бреда докричаться до духа ветра, но получился прерывистый хрип:

– А-рде...

Вихрь утих не сразу. Успел ещё с десятков раз пронести ведьму по кругу, прежде чем опустил её почти бесчувственную среди бурелома. Сам же сжался до крошечной воронки, спрятался в кроне уцелевшей сосны и завыл тоскливо. Его плач подхватила Бреда. Подоспевшая Кхиара с трудом разобрала сквозь рыдания подруги:

– Девона ушла!

Глава 5

Духи не испытывают боли? Враньё! Не знаю, кто это придумал, но точно не дух. Подвывая от горя и стыда среди пушистой хвои, я был этому лучшим доказательством. В один день потерял Девону и контроль над собой – две важнейших опоры моего стихийного существования. Это ещё постараться надо, чтобы вот так и сразу.

Много лет назад одна ведьма назвала меня странным. Мол, обычным духам до людских проблем дела нет. Дурак я был, что на её слова внимания не обратил. Решил – кому бы и говорить о нормальности, а только не той, кто с нашим братом общается. Позже-то понял, как старая Камрин была права. Мыслей моих услышать не смогла, а всё одно – разгадала, прочла, как свиток колдовской. Каждый новый встреченный дух убеждал меня в этом.

Не такой я, как они. Всегда к людям тянулся, полезным старался быть, жаждал понимания. Даже облик себе человеческий выдумал, хотя его и не видел почти никто. Но главное, что видел я.

Не водную рябь, а голубоглазого юношу, летящего над морем.

Не покорное воле ветра поле, а босые ноги, сминающие тонкие травинки.

Не разметавшиеся по девичьим плечам волосы, а мои пальцы, скользящие по тёмным прядям...

Девона... Ещё одно подтверждение моей ненормальности.

Духи не влюбляются. Совсем. Никогда.

Бывает, что для удобства держатся рядом с себе подобными, но без привязанностей. К телесным же относятся равно, примерно, как буйволы к бабочкам – есть они и ладно. Крутятся рядом, мельтешат, какими—то делами никому не нужными занимаются. Пусть, лишь бы не мешались. Я тоже когда-то был таким, а потом узнал о пророчестве, о ведьмах, пытавшихся его отменить и о несчастной Айрис, которую лишили природной магии. Она – опустошённая оболочка, я – дух без тела. Мне показалось, что только вместе мы сможем чувствовать себя полноценными. Так у беспокойного ветра появился смысл существования.

В ночь, когда Айрис родила Брееду, я согревал собой хлипкую деревенскую хижину. Поддерживал малышку, когда она делала первые шаги. Со смутным беспокойством наблюдал, как отец учил её магии. Я был их хранителем, верным стражем, но я же стал вершителем их судеб, когда понял, что колесо пророчества снова раскручивается.

Нужно было позвать ведьм, дать им знать, но во мне разыграло странное упрямство. Как заколдованный повторял: «Предначертанное должно сбыться!»

Ну вот. Сбывается. И где теперь моя уверенность? Почему больше не кажется правильным сопровождать юную деву к ложу фомора. Как избавиться от чувства вины, за то, что

сам толкнул Девону на жертвенный алтарь?

– Айрде, мы готовы!

Тихий окрик вернул меня в реальность. Пока я бродил по закоулкам своей памяти, ведьмы успели раздобыть где-то лошадей и собраться в дорогу. Нужно было отвести их к деревне друидов.

Каждый Самайн я проводил туда Брееду тропой духов, но впервые должен был сделать это в мире людей. Нам предстоял длинный и очень непростой путь.

Сбрасывая с себя остатки злости, я взлетел высоко над лесом. Закричал, закрутился, распростёр потоки на многие мили. К ведьмам спустился, только почувствовав, что силы снова подчиняются мне. Вот теперь можно ехать. Я мягко тронул бока лошадей, ухватил поводья и потянул за собой. Невыносимо медленно мы двинулись искать Девону.

Глава 6

Ветер? Нет, лишь свист в ушах от быстрого бега.

Дерево качнулось. Айрде? Нет, просто птицы спорхнули с веток. Дыхание глубже, шаги медленнее. Убежала. Скрылась. Смогла!

Солнце поднялось высоко над лесом, когда Девона позволила себе остановиться и передохнуть. Из горла рвался крик ликования. Свобода! Тому, кто не был в заключение, не понять этого чувства. Привычные вещи ощущаются иными –

небо выше, птицы звонче. Деревья, всю жизнь казавшиеся девушке давящей стеной, теперь стали зрителями её первых шагов в новую жизнь.

Только вот где она, эта новая жизнь?

Первый укол беспокойства холодом коснулся кончиков пальцев. Убежала, да, но что теперь? В своих грёзах Девона не заходила дальше этого момента. Думала – друиды спрятали свою деревню, а там, за лесом, люди живут друг рядом с другом, не скрываясь. Главное выбраться из-под надзора, а после ноги сами выведут.

Вот, выбралась. Куда теперь? Почему перестала окружающая тишина казаться гостеприимной и безопасной?

Ещё одна стая сорвалась с ветвей, закричала тревожно, будто спугнул кто-то. Вместе с птицами и Девона бросилась бежать. За спиной чудилась мягкая поступь когтистых лап, мерное дыхание. Игра воображения? За каждым кустом виделись девушке глаза хищников, заставляя петлять по лесу. Вдруг за спиной раздался вой, уничтоживший последние сомнения. Волки.

Девона припустила быстрее, не обращая внимания на острую боль в боку. Перед глазами замелькали яркие мушки, грудь сдавило паникой, но остановиться значило умереть. Станный блеск показался за кустами, когда девушка почти обессилила. Журчание и плеск? Река!

Не раздумывая, Девона свернула к воде. Добраться до неё оказалось непросто из-за больших валунов, но страх прида-

вал сил. Девушка ловко залезла на первый камень, с него перепрыгнула на второй и уже оттуда нырнула в пенистый поток. Течение подхватило хрупкую фигурку и понесло прочь от преследователей...

* * *

Ведьма провожала беглянку взглядом, когда в ладонь ткнулся прохладный нос. Морщинистая рука потрепала зверя по загривку, поскребла возле уха. Волк жалобно заскулил.

– Ничего, – успокоила его старуха, – теперь она от нас не спрячется.

Глава 7

Девона быстро поняла, какую глупость совершила. Река вцепилась в неё ледяной хваткой. Утягивала всё дальше, сколько ни хваталась девушка за камни и валуны. Тело деревенело, пальцы, ободранные в кровь, не чувствовали боли. Мысли становились всё более вялыми и бессвязными.

«Лучше так, чем от волчьих клыков» – признала она свою беспомощность, и отдалась на волю потока. Тлеющий огонёк разума молил о быстром конце.

Не заметила девушка, как расступились берега, и замедлилось течение. Не увидела человека, склонившегося над водой. Почувствовала только давление на грудную клетку

и резкий рывок. Тело свело судорогой, а с губ сорвался мучительный хрип:

– Зачем?

Всё, что происходило дальше, Девона осознавала смутно. Спаситель положил её на твёрдую землю, вспорол ножом вымокшую одежду, рывком вытянул платье и тунику из-под спины. На мгновение девушка ощутила обжигающие объятия воздуха, но они сразу сменились ещё более горячими прикосновениями рук. Промелькнула мысль, что нужно сопротивляться, но её сменила другая – равнодушная, холодная, как и сама Девона: «Для чего?»

Бездействие оказалось верным, потому что незнакомец явно не желал ничего дурного. Подняв девушку с земли, он быстро укутал её во что-то сухое, усадил себе на колени и принялся методично похлопывать по плечам, ногам и спине. Оцепенение сменилось сильной дрожью, а после и ломотой во всех конечностях, от чего Девона мучительно застонала.

– Тише, милая, тише, – заговорил мужчина, – ты, главное, не засыпай. А боль – она пройдёт.

Хлопки прекратились, зато губ коснулась шершавая глина. Язык и горло ожгло чем-то противным. Девона закашлялась, попыталась выплюнуть мерзкую жижу, но незнакомец предусмотрительно закрыл ей рот широкой ладонью.

– Пей, – протянул настойчиво, – не сильно вкусно, зато греет похлеще огня.

Мужчина и сам сделал несколько глотков, но большую часть отдал девушке.

Сколько времени прошло, Девона не знала. Казалось, что многие часы цепкий холод не желал покидать её тела. Когда же это, наконец, произошло, незнакомец тяжело поднялся и зашагал со своей ношей прочь от реки. Разомлевшая, она доверчиво жалась к его груди.

Глава 8

– Кехта, сын Браса, обманул нас! – с нажимом произнёс молодой друид, – Привёл в деревню дочь ведьмы, и не сказал, что над ней висит проклятье. Он поправил наши законы, и должен быть наказан.

Старейшины молча выслушали соплеменника. Самый длиннородый поднялся, опираясь на посох, смерил взглядом жалобщика и жестом велел уйти. Туатал не смог сдержать эмоции – ярость заострила черты лица, сделав его похожим на крысу. Поспешно склонив голову, он попятился прочь. Как только скрюченная тень скрылась за холмом, длиннородый обратился к сыну Браса:

– Не первый раз на Священной поляне звучат обвинения в твою сторону. Да всё одним и тем же голосом. Неймётся Туаталу заменить тебя в Круге.

Старец помолчал, а затем продолжил уже жёстче:

– Но сегодня он прав.

Медленно, будто нехотя, поднялся Кехта со своего места. Вышел в центр, кивнув длиннородому, и повернулся к остальным старейшинам. Произнёс спокойно:

– Не буду оправдываться, братья. Я не знал о проклятии до недавнего времени, но, даже если бы знал, не рассказывал вам.

Повисшая над поляной тишина оцетинилась иглами угрозы. С горькой усмешкой сын Браса выдержал колючие взгляды, и только когда сам посчитал нужным, заговорил вновь:

– Девона появилась в деревне задолго до того, как Совет запретил человеческие жертвоприношения. Вспомните, сколько раз жребий падал на ваших детей. Долго ли вы сомневались, заменяя их место на алтаре негодными?

Старейшины повскакивали со своих мест, загалдели все разом. Они угрожающе потрясывали кулаками и посохами, но длиннородый прекратил бесчинства:

– Тихо! Каждый волен высказаться на Священной поляне. Решать судьбу сына Браса мы будем, когда он закончит.

Признавая справедливость сказанного, почтенные старцы отступили, недовольно бурча. Кехта благодарно кивнул. Понял ли, что обвинения не сыграют ему на руку, или с самого начала всё так и планировал? Но больше он не обвинял братьев, а взывал к их разуму:

– Пророчество угрожает не только нам. Если фомор вырвется из заточения, он не будет разбирать, друид на его пути

или обычный человек. И старец, и младенец прольют кровь ради забавы и сытости демона.

– Верно, – согласился длиннобородый, – но чего ты ждёшь от нас?

– Помогите найти мою внучку. Как только она окажется под защитой семьи, я оставлю своё место в Круге и покину деревню.

Старейшины обменялись тяжёлыми взглядами. Удаляться, чтобы принять решение, они не стали.

– Сын Браса, мы услышали тебя и готовы дать ответ. Будет пир в честь Бейлихвейна, где загорятся синие костры и землю окропит горький эль. Мы задобрим мёртвых и попросим их о помощи.

Кехта облегчённо вздохнул, но длиннобородый предупреждающе вскинул ладонь:

– После праздника ты и твоя семья должны будете уйти навсегда.

– Семья? Но здесь только Эйдан...

– Руны говорят, – встрял ещё один старец, – что к деревне приближается ведьма. Твоя дочь.

– И вы впустите её? – внезапно охрипшим голосом спросил Кехта.

– Да. Чтобы провести над ней обряд Бейлихвейна.

* * *

– Нас ждут! – усмехнулась Кхиара, и указала на густой

дым над деревьями.

Брееда в ответ задумчиво покачала головой:

– Не думаю, что эти костры в нашу честь. Если только друиды решили сжечь пару ведьм.

– Пусть попробуют, – воскликнула черноглазая, – как бы сами себе задницы не подпалили.

Стукнув пятками по лошадиным бокам, Кхиара пустила гнедую рысью, и первая спустилась с холма к деревне. Ветер осуждающе взвыл. Бравада ведьмы его явно не радовала.

– Осторожно! Деревня наверняка защищена заклинаниями! – окликнула Брееда, но было поздно.

Лошадь под Кхиарой заржала и встала на дыбы, скидывая наездницу. Уже лёжа на сырой траве, та чудом смогла увернуться от летящих на неё копыт, однако, гнедая не собиралась успокаиваться. Она фырчала, выпуская облачка пара из ноздрей, и испуганно вращала глазами. Брееда поспешила к подруге, упала рядом на колени, закрыла собой.

Второй удар наверняка достиг бы цели, но тут перед лошадью возник Эйдан. Нож блеснул в руке, остриё царапнуло ладонь. Выступившую кровь мужчина размазал по морде разбушевавшегося животного. Гнедая ещё несколько раз взбрыкнула, уже без особого запала, и, наконец, успокоилась. Молча, избегая смотреть на ведьм, друид повторил обряд со второй лошадью, а затем крикнул в пустоту:

– Айрде, спасибо, что привёл её. Здесь твоя помощь больше не нужна, – мужчина запнулся, и продолжил тише, – По-

пробуй найти Девону.

Когда свист ветра перестал доноситься из чащи леса, Эйдан чеканным шагом подошёл к женщинам. Кровь уже не текла из его ладони, затянувшись густой плёночкой. Пришлось заново доставать нож. Рука мягко прошла по щеке Кхиары, оставляя ровную полосу, но дрогнула на щеке Брееды. Взгляды встретились, опалили невысказанной тревогой и разошлись, будто и не было...

– Моя кровь – защитный ключ. Вам разрешено находиться только возле озера на ритуальной поляне. Ни с кем не заговаривайте, ничего не делайте и держитесь поближе ко мне.

Не теряя больше времени, друид ухватил под уздцы обеих лошадей и зашагал к деревне. Ведьмы поплелись следом.

* * *

Действо на ритуальной поляне напоминало обычный праздник. Друиды веселились, пили хмельной эль, жарили над костром тушу крупного кабана.

Эйдан выдал женщинам длинные белые саваны, пояснив:

– Это часть обряда. Ни одна капля крови не должна попасть на вас, иначе мёртвые могут разгневаться, и не согласятся помогать.

– Что мы должны делать? – уточнила Брееда.

– Пейте эль, но большую часть выливайте на землю. Ешьте мясо, а кости собирайте в ритуальную чашу. В Бейлихвейн

мы так задабриваем мёртвых.

Кхиара подозрительно сощурилась, прислушалась к чему-то, и зло протянула:

– А потом вы проведёте обряд? Вселите в неё покойника?

Ни единым словом друид не подтвердил догадок ведьмы, но его взгляд всё рассказал.

Вовремя Брееда поняла намерение подруги. Схватила за плечи, заставила смотреть в глаза и горячо зашептала:

– Не смей вмешиваться. Любой ценой мы должны узнать, где Девона, и не только потому, что она моя дочь.

Кхиара медленно качнула головой в знак согласия.

Праздник начался.

* * *

Когда луна поднялась над озером, Брееда вошла в воду и приняла из рук отца кувшин.

– Мёртвые приходят только к спящим. Это поможет тебе уснуть.

Ведьма покорно выпила зелье, затем порезала ножом палец, и капнула кровью в ритуальную чашу, которую держал Эйдан.

– Теперь ложись. Озеро не даст тебе утонуть.

Брееда повиновалась. Сон сморил её, как только голова коснулась водной глади. Нараспев читая заклинание, друиды опустили чашу рядом с ведьмой, и поспешно вышли на бе-

рег. Ритуальный сосуд, доверху наполненный костями, долго держался на плаву, прежде чем качнуться и пойти ко дну. Все замерли. Ни звука не обронуи друиды, молчала и Кхиара. Ничего не происходило.

Вдруг, по озеру прошла мелкая рябь, вода забурлила, как в кипящем котле, и вытолкнула на поверхность содержимое чаши. Кости двигались, искали своё место, пока не окружили ведьму ровным кольцом. В его центре Брееда выгнулась дугой, протяжно закричала и открыла глаза. Чужие, незнакомые, горящие кровавым блеском в свете луны Бейлихвейна.

Глава 9

Путники двигались очень медленно. Лошади недовольно фырчали, отказываясь нести двойную ношу, и еле передвигали копыта. Брееде же хотелось кричать от своей беспомощности.

Прошлой ночью мёртвые вняли её мольбам и согласились помочь. Но, стоило ведьме открыть глаза после обряда, и старейшины друидов потребовали исполнения уговора. Ей не дали разобраться в новых ощущениях, не объяснили, как общаться с мёртвым, занявшим её тело. Да и как избавиться от него потом, тоже не рассказали.

Кехта, Эйдана и двух ведьм выпроводили из деревни, разрешив взять только лошадей, на которых приехали Брееда и Кхиара. За их спинами сомкнулась невидимая защитная

стена. Вход в поселение друидов закрылся навсегда.

Мужчины вскочили на лошадей, помогли женщинам устроиться позади себя, и медленно тронулись в путь. Пока они не знали направления, не было смысла спешить. Теперь всё зависело только от Брееды.

– Не пытайся искать разумом, доверься инстинктам, – посоветовал старший друид, заметив растерянность дочери, – у мёртвых свои способы общения. Если хотя бы один из них видел Девону, другие должны об этом знать. Прислушайся.

Глубоко вздохнув, ведьма последовала совету отца. Закрыла глаза, прижалась к спине Эйдана, чтобы не упасть с лошади, и постаралась расслабиться. Поток тревожных мыслей мешал заглянуть глубже, туда, где робко звучал голос мёртвого. Но Бреода смогла приглушить собственное сознание и пробиться к гостю.

Ей явились образы реки и больших камней. Девоны, убегающей от стаи волков. Увидела ведьма, как её дочь прыгнула в быструю воду и скрылась в бушующем потоке. Большого мёртвые не видели, но были уверены, что девушка находится в мире живых.

* * *

– Узел Мёртвых свяжу я кровью,
Тучи небо затянут дочерна.
Проберётся фомор к изголовью
Той, что ведьмой ему напроорочена.

Трижды скованные заклинанием,
Земли, скрытые лесом безветренным,
Напитаются тайным знанием,
Алтарём обернутся жертвенным.

Разложила ведьма камни особым рисунком, переплела треугольники на сырой земле, произнесла над ними колдовские слова. Пальцы прошлись по камушкам, вдавили каждый в суглинок, стёрли налипшую грязь. Почти готово. Осталось только пролить кровь и запечатать ею древний символ.

Мягкой поступью вышел из кустов волк, а в пасти его трепыхалась крупная птица. Хищник ткнулся окровавленной мордой ведьме в локоть, положил добычу и прижал лапой, чтобы не сбежала.

– Молодец, – прокаркала довольная старуха.

Не дрогнула морщинистая рука, сворачивая птице голову, и тут же впились зубы в тёплую тушку. Перья липли на губы, кровь капала с подбородка, стекала по шее за ворот платья. Волк голодно облизнулся.

– Хочется? – усмехнулась ведьма, – Ну, держи.

С лёгкостью оторвала она крыло для себя, а хищнику бросила остальное. Пока расправлялся тот с птицей, старуха ободрала от перьев и кожи самую крепкую кость, переломила и поднесла к глазам. Похожая на наконечник стрелы, неровно чернела та в лунных отсветах.

Волк не дёрнулся, не почувствовал угрозы, лишь протяж-

но взвыл, когда остриё вошло в его сердце.

– Это тело слишком тесно для тебя, слуга Балора. Мы найдём вместилище просторнее.

Под тихое скуление умирающего зверя, ведьма вытащила грубое оружие из его тела. Окропила камни красным и в самый центр Узла Мёртвых воткнула кость. По земле прошла мелкая рябь, будто вздохнула она судорожно. Тучи закрыли полную луну. Обряд завершился.

* * *

Бреeda перехватила у Эйдана поводья и заставила лошадь остановиться.

– Я больше не чувствую её, – всхлипнула ведьма, – мёртвые не видят Девону в нашем мире.

Эйдан переглянулся с Кехтой и Кхиарой, в надежде, что они подскажут, что делать дальше, но те выглядели ещё более растерянными. Тогда молодой друид расцепил пальцы Брееды, возвращая себе управление лошадью, и пустил ту рысью. Ведьма крепче прижалась к мужчине, переплела вокруг него свои руки.

– Куда мы? – воскликнула она.

– Отправимся к реке, которую ты видела. Не важно, что там чувствуют эти мёртвые. Мы найдём нашу дочь.

Глава 10

«С утра похолодало, того и гляди снег пойдёт. Но Ирден будто не чувствовал колючего мороза. Так разогрелся, пока дрова колот, что скинул шерстяную накидку и рубаху. Топор споро мелькал в воздухе, мужчина тяжело дышал, а от двери хижины наблюдала за ним молчаливая Девона. Взгляд серых глаз то замирал на обнажённой спине, то, повинувшись смущению хозяйки, обращался к горё поленьев. В мыслях девушки царили сумбур и растерянность.

Шестой день пошёл, как сбежала она от друидов. Пятый закат будет встречать наедине с Ирденom. И пятую же ночь проведёт в волнительной близости от безучастного мужчины.

В памяти звучало обвинение Айрде: «Ляжешь под первого встречного, лишь бы отменить Пророчество?». Но ведь Ирден не первый встречный. Он спас её из реки, отогрел, разрешил остаться в своей хижине. Не попрекал, когда рассказала о побеге, обещал помочь вернуться домой, как только сама решит, что готова. Его поведение, непривычная забота, осязаемая растерянность в общении – всё это необъяснимо волновало Девону. Мысль расстаться с невинностью, отменить своё личное проклятие больше не казалась грязной и запретной. Только сделать решительный шаг юная и совершенно неопытная девушка не осмеливалась.

От разгорячённой спины мужчины поднимался белёсый пар, такое же облачко вырывалось изо рта Девоны. Смог ли Ирден за треском поленьев услышать её вздох? Или почув-

ствовал пристальный взгляд? Обернулся к хижине, успел заметить закрывающуюся дверь и усмехнулся в усы. Постоял бы дольше, обдумывая странное поведение гостыи, но холод начал ощутимо схватывать спину и плечи.

Топор стал резче вбиваться в древесину, дальше разлетались тонкие щепы. А с губ мужчины не сходила весёлая улыбка.

* * *

К ночи затянулось небо тяжёлыми тучами, скрылась луна, свинцовая тьма непроницаемым пологом накрыла хижину. Девона долго ворочалась на своей лежанке, кутаясь в шерстяное покрывало, Ирден дольше обычного поддерживал костёр под остроконечной крышей. Только когда воздух прогрелся, и девушка уснула, мужчина позволил огню погаснуть. Сам он, разомлевший после изматывающей колки дров и сытного ужина, моментально провалился в сон. В тот же миг сквозь щель под дверью потянулся в хижину густой туман.

* * *

#

Горячее дыхание ожгло тонкую кожу возле ушка, пальцы уверенно пробрались под жёсткое покрывало.

Девона спала, и снился ей Айрде. Не духом бесплотным,

а человеком. Мужчиной. Его прикосновения, раньше ощущаемые, как движение прохладного воздуха, сейчас чувствовались материальными, нежными, опаляющими. Желание, потаённое и бережно хранимое, сбывалось, от чего бешено колотилось сердце. Глубоко в груди рождалось счастье, и воплощалось в единственном слове, слетающем с губ:

– Айрде!

– Нет, милая, я не он, – сквозь дымку сна прошелестел знакомый голос, и выдернул Девону в реальность. Остывшая тьма хижины переплеталась с тёплым дыханием в области ключицы. Губы выцеловывали дорожку от шеи до груди, а мозолистые пальцы оглаживали бедро под самой кромкой задравшейся туники. Быстрее застучало в груди, но теперь от страха, не от желания. Девушка дёрнулась, попыталась вырваться. Мужские руки крепче прижали её к лежанке.

– Не нужно бороться. Я видел, как ты смотрела на него, знаю, чего хотела. Прими это, как дар, и всё закончится.

Странные интонации опьяняли Девону, лишали воли. Глядя в необычно тёмные глаза Ирден, она откинулась на лежанку и перестала сопротивляться.

* * *

Ошалевший от своей беспомощности, ветер летал над верхушками деревьев. Скорость, юркость, сила – зачем они, если не могут помочь в поисках? Снова боль терзала созна-

ние и грозила лишить остатков самообладания. Тьма, страх, отчаяние. Дух почти утратил контроль над своей сущностью, когда дыхание леса донесло до него тихое:

– Айрде...

Как озарение – вот же то место где ещё не искал. Оно и теперь сопротивлялось, не желало вторжения ветра. Потoki растекались вдоль невидимой стены, силились протиснуться внутрь, но, увы...

* * *

– Стойте! – крикнула Кхиара и соскользнула с лошади.

Осторожно прошла она вперёд, прислушиваясь к ведьмовскому чутью. Вдруг, остановилась, выставив вперёд руку, и задрожала.

– Дальше нельзя. Здесь очень сильная защита. Сильнее той, что ограждает деревню друидов.

Мужчины обеспокоенно переглянулись, и развернули лошадей так, чтобы те шли вдоль колдовской границы.

– Нужно найти один из трёх охранных символов, – пояснил Кехта, – уничтожим его, и стена падёт.

Глава 11

Лошади двигались быстро, подгоняемые друидами. Черноглазая Кхиара указывала путь. Ведьма слышала магию за-

щитного символа, и спешила к нему, путаясь ногами в корнях деревьев.

Над лесом закружил снег.

Первым разглядели путники убитого волка, и только приблизившись к животному, заметили Узел Мёртвых. Сломать рисунок, а вместе с ним и защиту, оказалось не трудно.

Крупные снежинки ложились на стылую землю и теряли свою белизну.

* * *

Стена исчезла, оставив вместо себя вязкое тёмное ничто. Айрде, не бросавший попыток прорваться сквозь ограждение, едва не влип в ЭТО по инерции. Чудом удержался. Странный барьер завис в воздухе на пару мгновений, после чего начал бледнеть и совсем исчез. Ветер опасливо двинулся вперёд, потоками прощупывая пространство. Но стоило ему убедиться, что защиты больше нет, изо всех сил рванул он туда, откуда донесло дыхание леса голос Девоны.

Снег накрыл землю тонким неуверенным покровом.

Подлетая к хижине, Айрде чуть не сбил с ног мужчину. К слову, тот прекрасно справился без помощи – упал на колени и зашёлся в мучительном кашле. Только ветру не было дела до незнакомца. Он поспешил дальше, в приоткрытую дверь.

* * *

Брееда расцепила руки, отпуская Эйдана, и схватилась за горло. Сизой струйкой потянулся из её рта дымок.

Заметил Кехта, что происходит, слез с лошади и поспешил к дочери. Успел подхватить скованное болью тело до того, как оно рухнуло на укрытую инеем траву.

– Не сопротивляйся, мёртвый больше не властен над тобой и должен вернуться в свой мир. Снег запирает ворота, Бейлихвейн завершён.

Сложно было слушать и понимать слова отца. Ещё сложнее оказалось следовать им. Бестелесный попутчик явно не желал покидать недавно обрётённую плоть, изо всех сил цеплялся за живое. Вдруг надсадный крик вырвался из груди ведьмы, и с ним потянулось целое облако темноты. Освобождённая, женщина обмякла в руках отца.

* * *

К хижине путники вышли пешими. Брееда ещё пошатывалась от слабости, но её держали под руки Кехта и Эйдан. Все четверо остановились, заметив незнакомого мужчину. Тот корчился в грязи и непрестанно кашлял, исторгая из себя кровь с чёрными сгустками. В тех местах, куда капала эта жижа, земля дрожала и покрывалась трещинами.

Глава 12

Кхиара потянулась к поясной сумке, где всегда были припасены колдовские травы и защитные сборы.

– Не надо, – остановил её Кехта, – с этим мужчиной происходит тоже, что и с Бреедой.

Черноглазая ведьма с сомнением покосилась сначала на незнакомца, который корчился в бурой луже, затем на старого друида.

– Вы уверены? – протянула она.

Кехта мрачно кивнул в ответ.

– Раньше мы видели, как уходит обычный мёртвый, теперь наблюдаем исход демона. Такое соседство не бывает безвредным.

Вдруг внимание путников привлекло странное жужжание. Маленькая хижина гудела, как осиное гнездо, мелко дрожала соломенная крыша, стены трещали и роняли куски в снежную пыль. Звук нарастал, пока на самом пике не смешался с грохотом разрушения.

Вихрь подхватывал обломки и закручивал их в огромный шар. Там, в центре бушующего кошмара, закутанная в шерстяную накидку, как в кокон, находилась бесчувственная Девона.

Эйдан опомнился первым. Бросился под вращающиеся обломки, протянул руки к дочери:

– Айрде! Отдай её мне!

Но ветер то ли не слышал, то ли не желал расставаться с девушкой. Шар начал увеличиваться, куски глины замесили совсем рядом с друидом, мелкий сор расцарапал ладони. Неизвестно, что мог натворить разъярённый дух, если бы в этот миг не очнулась Девона. Эйдан видел, как испуганно дёрнулась дочь, и по движению губ догадался, что она закричала. Айрде будто устыдился. Границы вихря сжались, полетели на землю обломки. Медленно и очень аккуратно, ветер опустил девушку в руки друида. Напряжение последних дней обернулось неудержимыми слезами. Девона рыдала в объятиях отца и подросевших матери и деда.

Только Кхиара, стоя поодаль, мрачно наблюдала за притихшим хозяином разрушенной хижины. Бледный, почти белый, лежал он неподвижно, пока снег покрывал его тело. Колдовское чутьё еле нащупывало остатки жизненной энергии в некогда крепком теле. Однако беспокоило ведьму другое.

Там, где недавно пролилась кровь, теперь был лишь сухой выжженный кусок почвы. И не мужчина зашевелился, возвращаясь в сознание, а земля рядом с ним дрогнула. Взыла, прорезанная огромной трещиной, разошлась надвое, выпустила столп пламени.

И вышел из огня демон.

И сбылось пророчество.

Глава 13

Ведьмы сжимали в руках защитные травы, друиды нараспев читали заговоры, дух ветра окружал разлом плотным воздушным потоком. Кто знает, может и смогли бы они общими силами загнать фомора обратно, но тот не стал ждать их нападения. Столбом пепла взмыл в небо, рассмеялся, глядя на своих противников, и исчез в седой мгле.

– Он вернётся, – мрачно произнесла Кхиара, – когда прольёт достаточно крови и наберётся сил. Пока голоден и слаб, он не станет сражаться, а потом нам с ним не справиться.

Кехта подставил ладонь под парящий пепел, задумчиво растёр его большим пальцем и сдул чёрные ошмётки.

– Тёмные времена наступают.

* * *

Совсем рядом была старая ведьма. Всё видела, а сама незамеченной осталась. Много сил и магии истратила она на помощь демону, но взамен ждала гораздо большего. Тело тряслось от нетерпения, губы то растягивались в дикой усмешке, то принимались хватать морозный воздух. Пришло время получить награду.

Грузно опустившись на колени, вычертила она знак огня на свежем снегу, острым ногтем царапнула запястье и каплю крови уронила в центр рисунка. Пропитался красным белый пух, да не растаял от тепла, а жёстче стал, оледенел. Хрип

рвался из груди ведьмы, но собрала она остатки сил для заклинания:

– Единением пламени с холодом
Сметена ключевая опора.
В мире, ныне надвое расколотом,
Правь вовеки, прислужник Балора!

Коли вспомнишь по собственной воле,
Что за помощь положена плата,
Стану верной слугою, доколе
Не прижмёшь человеческого стада.

Подчинившись ли слабеющей ведьме, или собственному любопытству, демон явился. Возник перед старухой, смерил заинтересованным взглядом и спросил насмешливо:

– Чего ты ждёшь от меня?

– Я привела тебя в этот мир, теперь помоги мне! – еле слышно прошепел голос женщины, – Моя магия иссякает, а вместе с ней и жизнь. Дай сил быть твоей помощницей во славу великого Балора!

Склонился фомор над умирающей, пристально заглянул в помутневшие глаза. Протянул:

– Нет. Не всё ты истратила. Есть ещё чем поживиться...

Вонзил большие пальцы в её глазницы и довольный застал под мучительные крики умирающей. Когда тело ведьмы упало на землю, демон брезгливо вытер об неё руки и про-

шипел:

– Спасибо за помощь.

Эпилог

Айрде

Мы вернулись туда, откуда всё началось. В деревню, где я нашёл смысл существования, где родилась Девона, и где старая Айрис не надеялась уже увидеть родных.

Жители встретили гостей не особо радушно, помнили ещё, как изгнали Брееду. Но уважение к друидам закрыло рты недовольным. Конечно. Одно дело идти толпой против начинающей ведьмы, и совсем другое – спорить с опытными колдунами.

Маленькая хижина требовала починки, да и тесно в ней было ютиться вшестером. Только кто же по зиме жилище латает? Так и пришлось мне вспоминать, как держать тепло и не пускать холод к людям. Нет, помощь ветру в радость, просто соседство Девоны с Ирденем тревожило мою природу. Надо же было Кхиаре привести его в чувства там, возле дымящегося разлома. Напоила каким—то отваром, растёрла грудь, прочла пару заклинаний. Очнулся как миленький. А я почувствовал странную досаду от того, что он не умер. Весь долгий путь до деревни следил за Ирденем, ловил его виноватые взгляды на Девону, и еле сдерживал порывы за-

вершить начатое демоном. Сама Кхиара вернулась в поселение ведьм, только спасённого с собой забрать не решилась. Иногда заглядывала его проведать, навестить подругу и по-
злить меня.

* * *

Зиму перезимовали в тесноте, а чуть солнце пригрело, друиды взялись расширять старую хижину, Ирден же строить новую. Помогать я не лез.

Неловкость между мной и Девонкой, возникшая на исходе Бейлихвейна, помалу отступала. Если и терзала себя девушка за освобождение фомора, то виду не показывала. Напротив, казалась непривычно весёлой и жизнерадостной. Быстро нашла подруг, пропадала с ними целыми днями, возвращалась раскрасневшаяся и довольная.

Тем временем вести о жестоких расправах стали доходить до нас то от ведьм, то от пришлых в деревню людей, то тропами духов. Демон начал свой кровавый путь. Возможно поэтому, не сразу я заметил перемен в Девоне. Тревога ли из-за фомора помешала мне увидеть правду, или нежелание с ней мириться? Не знаю. Только к весне всё стало очевидно.

Девона носила ребёнка. И никто не знал, чей это отпрыск. Человека или демона?

Дарья Бритара (@darya_britara)

ЛЕГЕНДА О МАГ ТУИРЕД

Пролог

Земля... Великая и могучая, щедрая, дарящая жизнь и прячущая под своим покрывалом на века. По древности сравнимая лишь с океаном, разбивающим свои бурные воды об утёсы. Волею судьбы именно на этой земле нашёл приют полный чудес Эрин. Укрытые туманом просторы с нетерпением ждут путников, чтобы поведать свои истории. Близится Самайн, который сожжет в своих кострах всё наносное, позволяя окунуться с головой в Безвременье. Не за горами уже зима и первые заморозки.

Месяц листопада подходил к концу, и лес, отпраздновав урожай, медленно расставался с листвой. Утреннее солнце ещё немного пригревало, с лёгкостью проникая сквозь оголённые ветки.

Старая ворона, издав звук, напоминающий карканье и кашель одновременно, с облегчением уселась на ветку раскидистого дуба.

– С возвращением, старая, – поприветствовало её дерево.

– И тебе не хворать, – ответила ему птица.

– Давно тебя не видел... Неужто есть ещё тот, кто помнит о тебе да чествует?

– Брось свои шутки, старый, – ворона нервно встряхнула крыльями. – Иначе кончишь как все твои пни-родственники.

Дуб в ответ возмущённо загремел ветвями.

– И нечего шуметь. Если б не источник силы, берущий начало у твоих корней, не простоял бы ты столько лет.

– И то верно, – согласился дуб, признавая правоту птицы. – Я помню те времена, когда одно упоминание твоего имени сеяло в округе панику. Много лет минуло с тех пор. Мир позабыл и золотой век, и последствия раскола. Я стар, очень стар, даже помню исчезновение великой Морриган. Так поведай же мне свою историю, гордая птица. Не мне учить скальда рассказывать...

Глава 1

Когда-то давно Эрин был молодым. Его зелёные просторы дышали волшебством, священные рощи шептали на ветру защитные заговоры, охраняя свои тайны от посторонних, а боги жили среди людей.

Правил Фир Болг в то время Эохайд Мак Эрк. Народ любил своего короля, ведь за время его правления не было ещё ни одного года без хорошего урожая.

И однажды решил удачливый король жениться. Долго он

выбирал себе королеву, многие, мечтая породниться с Эохайдом, предлагали ему своих дочерей и сестёр. Но никого из них не желал он заполучить в жёны. Только одна пленила его сердце, лишь об одной девушке были его думы. Тайльтиу, чарующе красивая дочь короля Страны Мёртвых...

Но тот вовсе не хотел расставаться со своей единственной дочерью. И тогда хитрый Мак Эрк решил похитить красавицу. Ворвался он ночью верхом в Страну Мёртвых и вывез девушку на своем ветроногом коне.

Как ни пытался, а не мог отец покинуть пределы своей страны. Как ни просила Тайльтиу вернуть её отцу, как ни противилась судьбе, но не слушал её Мак Эрк. Красота её настолько затуманила разум короля, что не мог он помыслить о другой супруге. И как только добрались они, насильно сделал её женой своей. Так в Эрине появилась юная королева.

Глава 2

То не ветер завывает в Эрине,
То не дождь бьёт по крышам усталый, —
Это плачет Тайльтиу прекрасная,
Молодая жена Эохайда Мак Эрка.
Долго плачет она, безутешная,
По судьбе по своей печальной.
Так три года давно уж минуло,
Как украл её и увёз Мак Эрк.
Три несчастных года для Эрина.

Эти слёзы её королевские,
Словно яд змеиный смертельные.
Но не слышит Мак Эрк, но не видит Мак Эрк,
Околдован любовью волшебною.
Лишь привёз жену Эохайд Мак Эрк
В свой платок шерстяной укутанной,
Браз пошли дожди и туман повис,
Да зима в тот год вышла лютая.
Года три уже урожая нет,
Умирают люди от голода.
Всюду хворь и мор, плач стоит кругом.
Плачет Эрин, плачет неистово.
Эохайд Мак Эрк, нелюбимый муж,
Зря украл свою королеву.
И слеза её – это плач Фир Болг,
Бадб прозвали юную деву...

Глава 3

Она стояла на вершине утёса. Ветер играл растрепанными волосами. Море бесновалось, но брызги не долетали до неё. Слишком высоко она стояла. За спиной лежал город. Город Мёртвых. Царство было у её ног. Душа ликовала, сердце пело. Истинная дочь своего отца улыбнулась.

Чёрная смерть безжалостно прошла по землям Эрина. Моровое поветрие унесло больше половины Фир Болг. Не зря плакала их прекрасная королева. Большая беда пришла в Эрин.

Эохайд Мак Эрк был вдали от дома, когда болезнь добралась до города. Его любимая жена осталась там и теперь была навсегда потеряна для него. Но ни разу не усомнился он в своей любви к Тайльтиу, прозванной за её печальную песнь в народе Бадб, «неистойвой». Сожалел лишь, что так и не смогла она подарить ему наследника...

Кровавый рассвет окрасил утёсы. Близился Самайн, урожай был собран.

Глава 4

В первый день шёл ливень из ядовитых гадов, ящериц и лягушек. На второй – изрезали небо молнии и вспышки огня вместе с градом. Наконец, наступил третий день, когда сошёл с небес смрадный дым и огонь, который выжег до основания имевшиеся города... И последовал великий мор, поразивший всё вокруг посредством смрадного ветра...

– Ты уверен, что нам сюда?

– Что-то влечёт меня, кто-то зовёт, возможно, это судьба...

– Нуadu, я не думаю, что нам здесь будут рады.

– Ты же понимаешь, что меня это мало волнует. Надо только дожидаться, что этот туман рассеется, и я сойду на берег.

– С чего ты взял, что пойдёшь туда один? Остальные до-

ждутся нас. Я дам им знак встать на якорь.

Три дня не могли они сойти на берег, три ночи бушевало море, не давая подойти ближе, три бесконечно долгих дня волшебный туман не открывал им дороги в Эрин.

На четвёртый день, когда гроза утихла, Нуаду отправил своего сокола в небо. И всё время ждал верного друга у борта. Вернулся сокол лишь на закате. Чёрный от сажи и уставший, он принёс хозяину медовый стебель. Священный трилистник был добрым знаком, и сердце Нуаду Аргет Лаама ликовало.

Глава 5

Нуаду сошёл на берег на пятый день. Вокруг, насколько позволял видеть туман, простиралась вересковая пустошь. Ветер гудел, и вереск напевал свою песнь. А гость, совершавший первые свои шаги по новой земле, чувствовал, как радуется ему природа, как принимает его.

И пел вереск о несчастных Фир Болг, могилой для них стал зелёный Эрин. Пел о чёрной смерти, устроившей жатву и собравшей здесь свой кровавый урожай, о короле Эохайде Мак Эрке, не послушавшем своих воинов и укравшем юную волшебницу из страны Мёртвых.

И слушал Нуаду Аргет Лаам эту грустную песнь. Слушал, как стонет ветер, как рыдает земля, как бьётся о прибрежные

утёсы море. И пожалел он покинутый и одинокий Эрин.

И велел он народу своему оставить корабли и сойти на берег, ибо дальше они не поплывут. Так Туатха Де Данаан, наконец, обрели свой дом.

Об одном лишь не предупредил вереск новых хозяев. О прекрасной Тайльтиу, юной королеве-волшебнице, так и не сумевшей покинуть чудесный Эрин, ставший ей родным домом.

Едва Тайльтиу обрела свободу, как обернулась она чёрной птицей, и в облике этом облетела она весь Эрин. И не было камня на земле, который бы пропустил её зоркий глаз. И появление гостей верхом на облаках не осталось для неё незамеченным. Любопытная, она держалась в стороне, наблюдая за чужаками.

И больше всех приглянулся ей воин, первый ступивший на её землю. Нуаду был силен и красив. Видела она, как принял его чудесный Эрин. Как расступились перед чужаками неприступные утёсы, как затихло бурлящее море. И поняла, что встретила равного себе по силе и по духу. И решила она дожждаться, когда воин останется один, чтобы выйти и показаться ему.

В ночь, когда полная луна засияла на небе, пошёл Нуаду к озеру искупаться. Только разделся и зашёл в воду, как засе-ребрилась гладь озёрная, запели песни птицы, и ожила Глендалау, долина двух озёр. И вышла из леса Тайльтиу, сброси-

ла с себя оперенье и одежды, и нагой предстала перед своим избранником.

Понял Нуаду, что это и есть королева этих земель, та самая волшебница из страны Мёртвых. Но не испугался воин. Загорелось его сердце, вспылал он страстью к Тайльтиу. И овладел ею, и приняла она его. И были тому свидетелями вода, Глендалау и луна, и сам Эрин.

Так стал Нуаду Аргет Лаам королём этой земли. А Тайльтиу – Великой королевой Туатха. И не было союза крепче и любви сильнее, чем меж ними.

Глава 6

Племя богини Дану владело военным искусством и мудростью друидов, и были они великими волшебниками, сравнимыми по силе с богами. Принял Эрин Туатха, и стал народ Нуаду Аргет Лаама осваивать зелёный остров.

Дошла об этом весть и до Фир Болг. Перешептывались люди, дескать, с северных островов верхом на облаках прилетели чужаки, и силой они владели колдовской невиданной. И полный чудес Эрин сам покорился им.

Но не покорились Фир Болг.

И собрал Эохайд свой народ в поход.

И сказал он им, что не просто так королева их столько слез лила,

О беде большой сообщала им, до последнего им верна была.

И что чёрный мор и огонь с небес – злая магия.
И наслал её на честных Фир Болг
Злой народ Туатх, ветра всадники.
И пришла пора отомстить врагу,
Уничтожив всех, кто с войной пришёл.
И вернуть себе волшебство своё,
Голос пустоши, сердце Эрина.
Сотню сотен воинов смог собрать Мак Эрк.
И в поход далёкий отправился...

Глава 7

Не прошло ста дней, как загадочный народ богини Дану сошёл на берег, как пришла весть об огромном разъяренном войске, грозящим уничтожить юные города. Туатха были опытным воинам и понимали, что Фир Болг, превосходя числом, подгоняемые яростью, сметут их с лица земли, и не поможет здесь волшебство. Тогда было решено отправить на переговоры Бреса, сына Элата и Эрии.

Но никто не знал нрав Фир Болг лучше Великой королевы. И стоило лишь гонцу отправиться в путь, как, обернувшись чёрной птицей, последовала она за ним. И слышала она, как предложил Брес разделить чудесный остров пополам и дружно соседствовать в Эрине, и как правая рука короля Эохайда Сренг отказался от дружбы с северными богами. И когда переговорщики разъехались, полетела она к Фир Болг.

И было их 10000 воинов. И стояли они укрепленным походным лагерем. Их костры горели высокие. Их шатры стояли широкие. Вокруг лагеря – их дозорные. Сторожат покой их товарищей.

И, обернувшись старухой, королева вошла в лагерь...

Глава 8

Вечер тьмой укрывает пустошь,
Но не ветер поёт колыбельную Эрину.
Это быют барабаны Фир Болг воинственно,
Да костры Эохайда сияют в Безвремяе.
И стоят шатры их походные
На просторах чудесного Эрина,
И кипят котлы их огромные,
Льётся в небо их песня священная...
Скоро новый день им откроет путь,
И придёт пора чести долг вернуть.
Всяк Фир Болг не спит, точит острый меч,
Чтобы в землю враг враз сумел полечь.
И горят костры синим пламенем,
И поют жрецы песнь волшебную.
И укрыт Эрин туманами
В ночь для многих Фир Болг последнюю.

* * *

Она тенью скользнула в лагерь,

Незаметной осталась старуха.
Ненавистны Фир Болг стяги,
Звуки песен противны слуху.

Здесь никто не узнает Тайльтиу,
Так крепка в эту ночь медовуха,
Королева явилась миру.
Нелюдимою древней старухой.

Пламя лижет котлы неустанно,
Мясо варят Фир Болг на ужин.
Месть холодная долгожданна,
Меч при этом ей вовсе не нужен.

Все, что нужно, земля предложит.
И в котлы, где бульон остужен,
Она вех ядовитый крошит
И бузинных добавит жемчужен.

Пойте песни свои Фир Болг,
Эохайд Мак Эрк только нужен,
Чтоб исполнить священный долг,
Тайльтиу предстала пред мужем.

* * *

Что за видение чудесное пред ним?
Неужели Великая Мать сжалилась над ним и вернула ему

его супружницу?

Разве может жена умершая быть прекрасной как луна,
неба спутница?

Нет, не может быть...

Это мёд играет его сознанием.

Не бывает так живо видение.

Сладкая пытка, любовь-наказание...

Руки тянет к фигуре прекрасной.

Образ нежен его чаровницы,

Никогда не была опасной,

Была кроткою голубицей.

«О, чудесная! О, лунолика!

О, Тайльтиу, неугомонная...

Всё ты время со мною плакала,

Чужедальняя, одинокая...

Ты прекрасна, моя златокудрая.

Только это ли ты предо мною?

Ведь унёс тебя мор ужасный,

Разлучивший меня с тобою.

Не спеши, подожди, я скоро

Пышный праздник тебе устрою.

В пыль сотру чужака-фомора,

Дверь в мир Мёртвых снова открою.

Я добуду тебя, Тайльтиу...

Ты – моя, ты моя навеки!

Не отдам тебя Мёртвому миру,

Вспять направлю Эрина реки...»

«Эохайд Мак Эрк, нелюбимый муж,
Только горе ты мне собой принёс.
Есть красавицы и среди Фир Болг.
Только ты хотел быть хитрее всех.
Не спросив отца, ты меня увёз,
Обесчестил Дом, имя запятнав,
Против силы ты взял меня женой,
И слеза моя для тебя вода...
Ты не позабыл, всё ты это знал.
Но хитрее всех снова хочешь быть.
Ты зовёшь женой, но я не она.
Я не Тайльтиу, ведь она мертва.
Я ему жена и твоя вдова.
Я теперь фомор. Только Морриган!»

И обернулась она птицей чёрной да взвилась высоко
в тёмное небо. И туман скрыл её черты, словно бы и не было
её. Эохайд Мак Эрк был слишком пьян от мёда и счастья,
чтобы услышать и понять сказанное.

И не знал он, что Бейлихвейн уже начался. И будет принесена
большая жертва. 10000 воинов. И ни головой меньше...

Глава 9

Туатха, северные боги, готовились к сражению. Тяжелая
битва предстояла племени. Как ни сильна была их магия,
но каждого Туатха приходилась почти сотня воинов. Отсту-

пать к морю не было смысла, ибо от него нет им помощи.

Долго думал Нуаду Аргет Лаам. Долго думали его братья-советники. И было решено разделить народ. Женщин и детей несколько воинов поведут вглубь острова, ведь небольшой отряд не так заметен. Остальных же возглавит сам Нуаду, но пойдут они другим путем, чтобы отвлечь Фир Болг и дать женщинам и детям укрыться в холмах и лесах Эрина.

Так держали они совет до позднего вечера. Потом каждый ушел к своей семье, прощаться да в путь собираться. А Нуаду остался один сидеть у костра, где вскоре сморил его сон.

* * *

То не солнце взошло над Эрином,
Это пламя над городищами,
То не песни звучат веселые,
Это стонут дети и женщины.

Их борьба с Фир Болг бесполезная,
Все лежат мертвы его спутники,
Он остался в живых последний,
И клинок холодит руки.

Родом меч с далекого берега,
Финдиас – его дальняя родина.
И разит Нуаду уверенно
На победу клинком зачарованным.

Он Туатха по крови и духу,
Как король во всем безупречный,
Жаль, что выбор его уже сделан.
Люди племени Дану не вечны.

Но сильна еще древняя клятва,
Плата кровью за жизнь и спасенье,
Ключ от жизни и смерти Туатха —
Волевое его решение...

Глава 10

Песнь её нынче слов лишена.
В небе над пустошью кружит она.
Совесть не мучит. Жалости нет.
Скоро уже родится рассвет.

Только три ночи, только три дня,
Больше не будет Фир Болг короля.
Чёрною птицей над ними кружит,
Долгую смерть она им ворожит.

Вех, клещевина, дурман, бузина,
Борец, белладонна и белена...
А на лугах безвременник зацвёл,
Яд его клубней — в мяса котёл...

Солнце взошло, час битвы грядёт.

Глава 11

Рассвет Туатха встретили в долине. Засветло они отправили женщин и детей вглубь острова. Зелёный Эрин, залитый лучами осеннего солнца, замер в ожидании. Словно он почувствовал, что нынче произойдёт что-то важное. Грядёт великая битва.

Земля содрогалась от ног тысяч воинов, вереск шептал, что скоро навеки укроет своими ветками несчастных воинов, чьи души принесены в жертву.

И будет Маха праздновать жатву... И соберёт Великая королева богатый урожай, но главным трофеем станет голова Эохайда, последнего Фир Болг из рода Мак Эрков...

Над пустошью тенью мелькнула ворона-вестница. Фир Болг издали воинственный клич. Это увидели они воинов Дану и стали преследовать.

Северные боги медленно отступали к лесу. А в небе кружил над ними сокол Нуаду Аргет Лаама. Когда до леса оставалось чуть больше сотни шагов, полетели в Туатха стрелы, некоторых ранило. Но воины все же смогли скрыться в спасительном лесу, своими ветвями преградившем дорогу Фир Болг.

Глава 12

Три дня и три ночи Фир Болг пытались пробиться сквозь защиту леса. Но чудный лес был на стороне Туатха и, усиленный их колдовством, стал воистину неприступен.

Долгих три дня племя Дану отбивалось от врагов, а их король плёл защитный контур. Нуаду Аргет Лаам творил древнюю магию. Древнее заклятье, запечатанное королевской кровью Туатха. Никто не смел мешать королю, ибо знал, что плата за ошибку огромна. Даже его жена из фоморов, прозванная племенем Морриган, великая королева Эрина, обходила стороной место, где уединился Нуаду.

На закате третьего дня он вернулся. И племя богини Дану радостно приветствовало своего короля. Вечером, когда уже стемнело, появилась его супруга. Усталая и грязная, она взглянула на Нуаду. Муж был задумчив и молчалив.

Она знала, что тяготит его, знала, как тяжело далось ему решение. Магия древних даёт много, но и забирает немало. Что будет дальше, она не знала. Но в одном была уверена. Как велико бескрайнее море, так велика была её любовь к нему.

Глава 13

Три дня Фир Болг пытались проникнуть в лес, но уж больно коротки были их руки, никак не могли они дотянуться до Туатха. Воины погибали, так ни разу и не вступив в бой.

Многие из Фир Болг были отравлены, но не знали об этом. Дурман сеял сомнения и путал мысли. Яд скопился в их телах, и живы они были только потому, что слишком медленно текла по их жилам кровь.

На рассвете четвёртого дня из туманного леса вышли Туатха, и вёл их сам Нуаду Аргет Лаам. Фир Болг выстроились перед ними. И стояла такая тишина, что казалось, стоит прислушаться, и услышишь, как бьются сердца воинов.

И тогда зазвучала песнь, до боли знакомая каждому Фир Болг. И песнь эту пела Тайльтиу прекрасная, их мёртвая королева. Ужас наполнил их сердца, словно каменные стояли они, не в силах отвести взгляд от нагой ведьмы, словно в насмешку, танцевавшую перед войском Туатха. Последней каплей для Эохайда стало появление Тайльтиу. Мак Эрк узнал её. Наконец-то понял он, что имела в виду Тайльтиу в тот вечер, и с криком бросился вперёд в надежде убить изменницу.

Так началась Великая битва. И войска вступили в сражение.

Едва стали Фир Болг теснить Туатха к лесу, как кружившая над схваткой Морриган издала ужасный вопль такой силы, что отозвался он во всех скалах, долинах и водопадах Эрина. И тотчас половина Фир Болг упали в землю мёртвыми.

Но и это не остановило Мак Эрка. Вместе с верным своим помощником Сренгом продвигались они вперёд. То здесь, то

там, падали мёртвые воины. И много среди них было Туатха, но много больше было Фир Болг. Словно обезумевший, Эохайд бросился к предводителю северных богов, но преградил ему путь Брес, сын Элата, и тогда Сренг схватился с самим Нуаду...

Долго бился одурманенный Эохайд Мак Эрк, пока не почувствовал великую жажду. И тогда оставил он вместо себя Сренга, и с отрядом воинов отправился на поиски источника воды, а следом за ними бесшумной тенью, чёрной птицей скользнула Великая королева Морриган. Как ни искали, не могли Фир Болг найти даже небольшого родника. Морочья волшба была крепка и скрыла от их взора все ручьи и реки чудесного Эрина. Так бродили они по вересковой пустоши, пока жажда не замучила их до смерти.

И тогда Маха сняла долгожданную голову Мак Эр-ка. Тайльтиу была отомщена. Урожай Смерти был собран... Много крови пролилось в тот день.

Фир Болг продолжали биться до поздней ночи, пока не изнемогли совсем. К тому моменту на поле сражения их в живых осталось только триста воинов. Утратив надежду, падая от усталости, они отступили.

Туатха Де Данаан победили, но какой ценой... Многие из племени Дану погибли. Всю ночь они хоронили убитых, насыпая над могилами братьев холмы.

В честном бою Фир Болг Сренг нанёс королю Туатха мощный удар мечом и срубил треть щита Нуаду вместе с рукой.

Лишённый правой руки Нуаду Аргет Лаам больше не мог править Туатха.

Теперь будущее племени было туманным, как и просторы вечнозелёного Эрина...

Эпилог

– Да, красивая легенда, – проскрипел старый дуб.

– И древняя, – устало вздохнула птица.

– Боги среди людей... Когда ж это было?

– Ой, давно. Очень давно. Подробности мало, кто помнит.

Позднее эту битву героев назовут Первой в Долине камней.

Старая ворона задумалась. Казалось, что она задремала, но она вовсе не спала. В маленькой птичьей голове всплывали воспоминания, роились мысли.

– Но я так и не понял, куда делись оставшиеся Фир Болг. Неужели им дали уйти?

– Они сами не захотели. Эрин был их домом многие годы, дольше них там жили, разве что, фоморы. На пятый день Фир Болг созвали собрание, их решение биться до конца было окончательным и единодушным. И повёл их Сренг. Триста героев, потерявших всё, кроме чести и помнящих о своём долге. Туатха понимали это, а потому вновь предложили мир и соседство в Эрине. Фир Болг согласились и заключили мир, выбрав своим домом Коннахт, что на западе Эрина.

– Конечно, теперь их было немного, и они не представля-

ли опасности, – с пренебрежением отозвалось дерево.

– Племя богини Дану пришло в Эрин, чтобы жить и созидать, а не убивать, – возмутилась ворона, угрожающе захлопав крыльями.

– Ну, ладно-ладно. А что было дальше с Нуаду?

– Много будешь знать, скоро состаришься. Хватит на сегодня историй, – подытожила собеседница.

– Услышу ли я продолжение? – Засуетился дуб. Ветви его загремели так, что последние листья соскользнули на землю. – Узнаю ли я, что случилось с северными богами? И куда исчезла Великая королева?

– Судьба благоволит тебе, старый пенёк. Я вернусь... – Кажалось, что она смеётся. – А теперь прощай. Зовут, нужно спешить. Меня ждут в Таре...

И впорхнув с ветки, чёрная птица скрылась в тумане. Эрин по-прежнему был её королевством, кто бы ни правил.

Люся Быковская

@lusia_bykovskaya

ДОЛИНА КОСТРОВ

Пролог

«Зима будет суровой, и ты узнаешь, что такое смерть», – черноволосый мальчик смотрел в глаза, так пронзительно, что она почувствовала, как лёд сковал горло. Девушка хотела спросить, но смогла только беззвучно открыть рот. Мальчик подошёл ближе, и она разглядела белые крапинки на радужке его и без того светлых серых глаз. Мальчик был ниже ее ростом, но она его боялась. И когда он своей рукой прикрыл ей глаза, она подчинилась. От ладоней на лице стало мокро. Мгновение спустя, стало ясно, что это дождь. Взмокшая, она нетерпеливо мотнула головой, разметав по плечам отяжелевшие от воды волосы. И почувствовала, что черноволосого мальчика рядом нет. Открыла глаза.

Она стояла посреди некогда зеленой долины. Но под проливным дождем краски смешались, и виднелись только размытые грязно – серые очертания холмов. Девушка привычным движением похлопала себя по бокам в поисках сумки. Не нашла. Удивилась.

Уже промокла до нитки. Но в теле ритмично билось сердце, разгоняя кровь горячей волной. Она физически ощущала эти приливы до кончиков пальцев. Или это нечто другое? Стоило об этом подумать, как воспоминания тонкой ниточкой начали раскручиваться как из клубка. Вот она – маленькая девочка с нечёсанными, чёрными как смоль волосами. Бежит босиком по зеленому лугу. Что – то держит в руках. Родное и тёплое. Важное. Добежала до толстого дуба. Время победило это старое дерево, и оно уже много лет торчало сухой громадной корягой, не принося плоды, не откликаясь на времена года.

Девушка наблюдала за собой со стороны, как будто смотрела немое кино. Звуки разом прекратились. Она оказалась в бесшумном вакууме. Это пугало. Постепенно из самых глубин ее естества, медленно и липко внутри зарождалась тревога. Девушка видела, как девчонка ловко забралась на дерево, как оставила в темном дупле ТО самое, что – то родное и важное. Стало страшно даже дышать. Она с силой зажалась, когда вдруг снова ощутила на лице капли дождя. Оглянулась. Та же мрачная долина, поливаемая дождём, и ее одинокая фигура в низине. Невдалеке она увидела маленький дом, в котором горел свет. Что – то знакомое показалось в этих красных ставенках на окнах.

Старая каменная кладка напрасно скрывалась за свежей белой известкой, маленькие окошки, черепичная крыша и подкопченная труба – в детстве не обращаешь внимания

на детали, сейчас же она видела каким был этот дом. Он старый. Но не изношенный. Он древний, он мудрый, он хранит много тайн. Дверь распахнута настежь, и изнутри сочится тёплый желтый свет. Что – то трещит. Кто – то поёт.

– Входи, Кона, я уж заждалась.

– Бабушка?

– А кого ты ожидала увидеть? – старушка наигранно удивилась, всплеснув руками.

Бабушка Ханна. На Кону нахлынули воспоминания. Даже больше ощущения. Сухие, словно пергамент, но такие горячие бабушкины руки. Запах хлеба. Танцующие угли в камине и тёплый кисель. Тихие песни. Золотой гребень и длинная ночная рубашка. Холщовый мешочек под подушкой. А там сокровища. Нырнёшь в него рукой в темноте и перебираешь – медное колечко, розовое стёклышко, уголёк, кончик веревки с шеи повешенного, маленькая деревяшка с нацарапанной руной.

– Тебя слишком долго не было, – пробормотала старая Ханна. – Ты забыла кто ты есть, – бабушка медленно приближалась к Коне. Ее голос теперь был похож на шипение, – мы ждем тебя.

Старуха окинула взглядом комнату и торжествующе остановила его на Коне. Глаза, стальные, холодные смотрели внимательно. Кона каждым кончиком своих чёрных волос, почувствовала как вокруг них смыкается кольцо.

Полулюди-полутени тянули к ней свои руки. Дряхлый ста-

рик и молодая дева в длинном платье. Высокий мужчина с иссиня-чёрными волосами и почти белыми глазами. Мальчик, обещавший суровую зиму. Тут их рты скривились, и все разом закричали: «Мы ждём тебя!»

Кона изо всех сил закрыла уши руками, зажмурила глаза. Неожиданно раздался пронзительный звон. Все фигуры разом исчезли. Исчез старый домик Ханны, дуб, дождь. Звон же не прекращался.

Кона открыла глаза и узнала люстру своей комнаты.

«Какой странный сон», – подумала она, как снова услышала звон. В прихожей настойчиво гремел телефон.

– Кона? Доброе утро! То есть, не то чтобы доброе, – на том конце провода смутились, – это тетя Меретте, соседка твоей бабушки.

– Здравствуйте.

– Твоя бабушка Ханна. Она умерла сегодня ночью, – Меретте всхлипнула.

– Я приеду.

– Поторопись. Тебе нужно успеть до Самайна. Мы ждём тебя. – и в трубке послышались короткие гудки.

* * *

К тому моменту, как электричка ворвалась в пригородный пейзаж, рассвело. Краски неба, словно на мягкой акварельной бумаге, смешались, а над самым лесом сверкнул бледно-желтый диск. Яркое, но уже холодное октябрьское солн-

це.

Кона сидела у окна, заворуженно провожая темные макушки сосен. Она похлопала ладонью по сумке. Рука нырнула внутрь, пальцы привычно нащупали мелки. Девушка высыпала горсть на стол – разноцветные огрызки пастели хаотично наследили на белой поверхности.

Девушка начала рисовать. Резкими движениями Кона наносила слой за слоем розовый, голубой и чернильно-синий. Подушечками тонких пальцев тут же размазывала границы цветов, растягивала и закручивала в спираль бархатистую пастель. Мазала по бумаге и по щекам. Желтым очертила круг и спешно его закрасила. Потом закрыла глаза.

Мужчина с густой рыжей бородой и старушка сидели напротив и наблюдали, боясь обнаружить своё присутствие. Облако мелковой пыли к тому моменту достигло носа пожилой леди, и она нарушила тишину, громко чихнув.

Девушка встрепенулась, и словно впервые уставилась на попутчиков.

– Доброе утро, – натянули улыбки рыжий и старушка.

– Привет.

– Вы испачкали нос, – женщина достала из сумочки большой хлопковый платок и протянула Коне.

Кона задумчиво уставилась на кусок материи. Не поднимая глаз, она вытерла нос рукавом куртки, а ладони об юбку. Взгляд рыжего был красноречив.

Но любопытство взяло верх:

– Я Уильям, – сосед протянул руку.

– Я Кона, – ответила она на рукопожатие.

– Кона?

– Да. Родители ждали сына, – она впервые улыбнулась и пожала плечами.

Тугие чёрные кудри копной. Острые скулы, тонкие губы, глаза цвета мутной воды, и все ещё перепачканный, словно в саже, нос. Хрупкая девушка, в которой чувствовалась уверенная сила. Таких раньше сжигали на кострах.

– Вы рисуете? – спросила старушка, с любопытством заглядывая в альбом.

Кона развернула рисунок. Сложно было разглядеть там лес и небо. Жирные, густые, хаотичные мазки. Рисунок производил мрачное впечатление, и даже круг солнца, не менял эффекта.

– А куда едете, милочка? – старушка хотела узнать, как долго им ещё соседствовать с этой сумасшедшей.

– Я еду в Лаи.

– В долину костров? В этом суеверном краю же никто не живет. Одни ведьмы, – бородатый понял, что сказал лишнее, когда поймал взгляд старушки.

– Вы правы. Соскучилась я по своим.

Желания продолжать разговор больше ни у кого не было.

* * *

– Мама сказала, что я узнаю тебя, – молодой человек взял из её рук чемодан, – я тогда подумал «как это может быть?», но, заberi меня калех, ты копия Ханны!

Широкими шагами ее друг детства направлялся к машине, а она семенила за ним. Хотя лет 15 назад было наоборот. Кона не понимала, откуда взялся этот большой и красивый Тревор?

Все еще смущённая, она села в машину, и они покати-ли по проселочной дороге. Из окна открывался чудесный вид – мягкие очертания холмов, тронутые желтой лапой осе-ни. С одной стороны вдалеке стояли багряные липы, с дру-гой манили морем отвесные скалы. На милях вокруг рассти-лались безлюдные дали. На горизонте виднелось что-то по-хожее на деревню: от ярких черепиц тонкой струйкой тянул-ся дым. Кона приоткрыла окно и с удовольствием вдохнула свежий воздух. Мгновение спустя запах солёного моря сме-нился тяжелым духом догорающих костров, влажной земли и тухлой рыбы. Кона поспешила закрыть окно и вопро-сительно уставилась на Тревора.

– Что здесь было раньше?

– Лет пятьсот назад, – Тревор прищурился, – здесь бы-ло поселение рыбаков. Но однажды этой дорогой шёл фо-гд с подручными инквизиторами. С севера страны обозом в клетках они везли пойманных ведьм и колдунов. Чёрт их дёрнул устроить именно в этом месте массовую казнь калех. Языки костров доходили до неба. Когда последняя ведьма

была сожжена, и в воздухе ещё висел ее душераздирающий крик, пламя костра перекинулось на ближайший дом. Он вспыхнул как спичка. Огонь за считанные минуты сожрал деревню и обитателей. Инквизиторы тоже не смогли спастись. Много лет люди обходили это место стороной, а руины деревни со временем превратились в пепел и разлетелись по побережью. Сейчас от этого страшного места не осталось и следа. Но до сих пор никто не отважился строить тут дом.

– Но откуда ты это знаешь?

– Это наша история, Кона. И твоя, – Тревор внимательно посмотрел на неё. – Мы, кстати, приехали!

Кона не заметила, как автомобиль уже въехал в живописную деревеньку. Небольшие овальные домики белого и желтого цветов, с яркими ставнями, и дымоходной трубой посередине черепичной крыши. На Кону нахлынули тёплые воспоминания – все здесь было знакомо. Навстречу молодым людям уже бежала маленькая женщина в платье и белоснежном переднике.

– Кона, милая! Какой красавицей ты стала!

«Тетя Меретте», – догадалась Кона, и раскрыла навстречу объятия.

* * *

Кона ощущала тревогу. Как будто вдалеке звенел колокольчик. Меретте была учтива и мила, но каждое ее слово

внутри девушки отзывалось волнительным «динь».

Если бы Кона могла сейчас достать альбом, то ее рисунок был бы темно-синего цвета. Таким виделось внутреннее убранство дома, несмотря на розовые занавески и белоснежные скатерти. Кона осталась на обед. Ей хотелось послушать о жизни деревни Лаи. Сама она мало что помнила. Только яркие вспышки из беззаботного детства – как бегала по полю босиком, как спасала соседскую кошку из реки. Стояла на самом краю обрыва, а волосы развевались по ветру. Воспоминания о Ханне теплом разливались по телу. Она стягивала длинные чёрные волосы в тугий пучок, а ее платье всегда было в муке. Кона помнила, как они вдвоём ходили на весенний луг собирать травы – ночную тень, ангельскую траву, васильки и мандрагору. И прекрасней воспоминаний не было в ее жизни. «Ханна была колдуньей» – говорила Меретте. «Она любила меня больше всех на свете» – вторило сердце Коны.

Наконец, Тревор предложил Коне прогуляться, и она с облегчением покинула темно-синий дом.

В окнах начал зажигаться свет. Ещё немного, и стемнеет настолько, что не будет видно вытянутой руки. Становилось холодно, пошёл дождь. Тревор накинул на неё свою куртку и потуже завязал шарф. Впереди маячил яркой вывеской какой-то дом. Они поспешили туда.

Паб в Лаи ничем не отличался от сотен других. За длинной стойкой сидели завсегдатаи, которые были так увлечены

трансляцией футбола, что даже не повернулись.

– У ирландцев есть только одно средство от непогоды.

– Плед из овечьей шерсти? – улыбнулась Кона.

– Виски!

Кона сделала глоток. Алкоголь мягким одеялом накрыл ее тело. Тепло разошлось по замёрзшим ногам. Кона посмотрела на своего спутника с улыбкой – он был так хорош собой.

А потом они бежали по пустоши навстречу морю. От сильного ветра по земле стлалась трава. Вереск в ночи потемнел. Небо спрятало звезды за облаками. Море клокотало и бурлило. А Кона стояла у самого обрыва, раскинув руки и смеясь, как в детстве. У нее посинели щеки и уши. Ветер продувал до костей. Тревор насилу увёл ее домой.

Когда Кона перешагнула порог дома Ханны, то почувствовала, что даже стены в этом доме плачут.

* * *

Ханну хоронили по старинному обычаю. Она была одета в длинное чёрное платье, на пальцы нанизаны разномастные перстни. Распущенные волосы, едва тронутые серединой, доходили до пояса и походили на крылья ворона. Умершая ведьма лежала в гробу, головой на восток, щедро посыпанная березовой корой. Кона знала, что береза у местных означала переход от зимы к весне, от смерти к воскрешению. В ногах Ханны покоилась отрубленная голова козла,

а по правую руку лежал свёрток с двумя глиняными чашками. Верхом на козле колдунья появится в темных чертогах Богини Домны, чтобы испить с ней чай.

Конечно, священник тут молитв не читал и на общем кладбище ведьму не хоронили. Такие как она, а точнее весь род Ханны Бирн покоились за холмом, в окружении елей. Здесь, за церковной оградой, кельтские кресты с замысловатыми завитками соседствовали со скромными старыми надгробными плитами с поистершимися символами.

Гроб с телом Ханны опустили в каменистую яму. Каждый из присутствующих, подходя к могиле, бросал в темную пропасть цветок, и уходил, не оглядываясь. Земляная пасть с жадностью глотала яркие краски.

Когда Кона осталась одна, она достала альбом. В голове было столько впечатлений и эмоций – от всхлипа до смеха, что только бумага терпела этот поток. Зелёный, фиолетовый, чёрный. Кона закрыла глаза.

Она то размахивала руками, то наоборот – возила мелком на одном месте.

Вдалеке кричали чайки. Наверное, недавний шторм принёс к берегу много рыбы. Их крики все время отвлекли и не давали сосредоточиться. Казалось, она упускает что-то главное. Кона посмотрела на рисунок. Широкие линии фоном, а посередине чёрным цветом нарисована морда. У морды имелись уши, нос и высунутый язык. Собака.

Тут Кона прислушалась к тому, что она приняла за крик

чаек, и четко различила скулёж. Совсем рядом. Она пошла к источнику звука, подчиняясь больше интуиции, нежели слуху – лай собаки был еле различим. Кона набрела на старый колодец. Его крышку будто нарочно засыпали листьями и камнями. Тяжелую заслонку Коне удалось сдвинуть лишь наполовину. Но этого хватило, чтобы разглядеть чёрного щенка.

Кона подняла его на поверхность. Он был страшно худой, и ослаб от голода. На тонкой шее болталась веревка, а одно ухо было в крови. «Кто же это сделал с тобой?» – Кона спрятала щенка в куртку и пошла домой.

Когда Кона проходила мимо, из темно-синего дома за ней следила пара недобрых глаз.

* * *

«Всё будет хорошо, Коль, – щенок был чёрен как уголь, и сложно было дать ему более подходящее имя, – мы с тобой не пропадём».

От этого «мы» пахло надеждой, и Кона воспряла духом. Она принесла и поставила поближе к камину таз с тёплой водой. Коль немного посопровтивлялся, но потом доверился нежным рукам девушки. После водной неги его укутали махровым облаком, принесли миску с тёплым молоком. Кона не переставала гладить измученное тело, пока пёс не закрыл глаза. «Тебе нужна подстилка», – девушка огляделась.

Весь первый этаж бабушкиного дома можно было окинуть одним взглядом. Здесь и небольшая кухня, и гостиная с камином. Темно, но уютно. Вдоль лестницы на второй этаж растянулась вереница фотографий. Вот Ханна невеста, здесь Ханна – мать. На старой фотографии стоял крепкий молодой мужчина, дед Коны, которого она никогда не видела. Он обнимал Ханну, а она на руках держала малышку Улу – маму Коны. Дальше – карточка, где Уле лет 15. Она у дома с красными ставенками смотрит вдаль. Интересно, как скоро после этого снимка она сбежала из дома?

Кона поднялась на второй этаж. Здесь располагалась спальня Ханны. Дверь в ее комнату была заперта, в замочной скважине торчал массивный ключ. Но Кона не решалась пока туда заходить. Рядом была ее комната. Здесь все осталось так, как во времена детства. Кона с удовольствием вспомнила, как часто она с разбега прыгала в свою мягкую кровать. Как бабушка в шутку журила за босые ноги и спутанные волосы. Как расчёсывала ее золотым гребнем у зеркала, напевая что-то на сказочном языке. Ханна легко переплетала в своей речи разные диалекты, знала множество песен и сказок из старого ирландского фольклора, часто бормотала себе под нос непонятные слова. Конe иногда удавалось что-то разобрать, но ей нравилось думать, что бабушка умеет говорить на сказочном языке. Ей нравилось ощущать и себя частью волшебной сказки.

На втором этаже была ещё одна маленькая комната. Она

никогда не запиралась, но маленькой Коне запрещалось туда заходить. Однажды она все же заглянула, но кроме стеллажа с книгами ничего не увидела. Интерес к тайному месту быстро пропал. Сейчас же Кона решила поискать там старое одеяло на подстилку Колю. Дверь на старых массивных петлях медленно скрипнула.

Вдоль всей стены стоял шкаф. Одна его половина заполнена книгами – здесь были повыцветшие корешки старинных изданий и современные романы. Содержимое второй половины скрывалось под несколькими дверцами. Напротив стояло большое кожаное кресло с небрежно брошенным пледом. Несколько гобеленов на стенах со сценами каких-то баталлий. Сверху свисала тонкая цепочка потолочного выключателя и лампа. Холодно. Кона накинула на плечи плед, включила свет и открыла дверцу шкафа. Банки и баночки, бутылки и пузырьки стояли на полках. На каждой этикетке от руки написано о начинке: «выжимка из Ночной тени», «эссенция майского лука». Кона поежилась.

На стеллажах лежали засушенные цветы, камни и комья глины. Кона открыла ещё – за оставшимися дверцами скрывался аналогичный натюрморт. «Значит, бабушку ведьмой звали не потому, что она в 70 лет молодо выглядела», – усмеялась Кона. «А что с книгами?» – девушка взяла самую толстую. На корешке и обложке не было ни букв, ни символов. Удивление возросло, когда Кона увидела, что книга рукописная, а рисунки рисовались тоже от руки.

Поначалу она не могла прочесть ни слова. Но откуда-то в голове воспоминанием промелькнул голос Ханны и ее сказочный язык, и Кона понемногу разобрала заглавие: «История фомора-изгнанника, прародителя рода Бирн». На уголках страницы был изображён ирландский медальон. А под заглавием, выведенным золотыми буквами, нарисована стрелка, приглашающая перевернуть страницу. И Кона перевернула.

Там был изображён то ли демон, то ли чудовище. Великан с телом голубого цвета не был похож на классического фомора, каким детей пугали в легендах. Он не был одноруким или одноглазым. Но все же половина его тела торчала из под земли, а голову венчали оленьи рога. Его стройное тело можно было бы назвать совершенным – широкие плечи, узкие бёдра, большие ладони. В одной руке он сжимал топор, другой придерживал развевающийся на ветру плащ. Чёрные как смола волосы, узкие щели стальных глаз. Его тонкий рот напоминал скорее трещину у основания земли, подбородок – неотесанные морские скалы. Это был демонический воин, обитатель скрытого тонкого мира. У художника была богатая фантазия или несколько жизней. Ведь увидевшему фомора суждено умереть от его топора. Однако, надпись снизу гласила: «Погасли факелы, умолкли голоса. Кихул пришёл на берег Лаи».

Двор давно освещала бледная луна, когда Кона закрыла книгу. Какое богатство держала она в руках – свою родословную! Главу за главой Кона проглатывала истории и судьбы большой и удивительной семьи.

Девушка обняла бесценный фолиант. Она больше не одинока. У неё есть Коль и могучие предки за спиной. Но всей этой цепочке из легенд о фоморе не доставало прочности, сцепки. И Кона знала, где ее найти.

От молниеносного решения она вскочила с кресла и ударилась головой об открытую дверцу шкафа. Тот едва пошатнулся, сбросив с верхней полки несколько бутыльков. Густая жидкость растеклась, пол заблестел мелкими стекляшками, а комната наполнилась запахом мёда и полыни. «Остановись, Кона, не торопись», – уговаривала девушка себя, собирая осколки, но ненасытное любопытство гнало ее на улицу.

Дождь настойчиво долбил по крыше. Кона вернулась в реальность. Тук-тук-тук. Стучали уже в дверь. Откликнулся слабым лаем Коль, и Кона уже летела навстречу.

– Милая, куда ты запропастилась? – на пороге стояла тетушка Меретте. С ее дождевика ручьём лилась вода, но она улыбалась.

– Ой, входите скорее. – Кона впустила соседку в дом, – Эти похороны так тяжело мне дались, понимаете. Мне нужно было побыть одной.

– Понимаю, – Меретте по-свойски прошла на кухню.

На вытянутых руках она несла круглую форму, от которой тонкой струйкой шёл ароматный пар. Коль, почуяв запах пирога, увязался за женщиной, но потом вдруг зарычал и, пятась, вернулся к камину.

– Яблочный пирог, – продолжала соседка, – ты же не решилась умереть от голода? – и понизила голос, – Тревор ждал тебя весь вечер. Отправил меня на разведку.

– Спасибо, я вам очень благодарна, – Кона улыбалась в ответ. Но колокольчиком опять звенела тревога. – Эээ, мне пора идти, я зайду к вам завтра.

Кона взяла тётушку под локоть и вывела на улицу. За воротами они мило распрощались и пошли каждый своей дорогой. Кона, перепрыгивая лужи, мчалась к маленькому домику старого библиотекаря Бена О» Мили. Ведь кто как не он, знает историю Лаи от самого его основания? А Меретте, постояв немного, вернулась в незапертый дом ведьмы Ханны. Все с той же улыбкой она пнула спящего пса, и под скрип половиц поднялась на второй этаж. Ведь кто как не она знала, какие сокровища таит в себе маленькая комната с большим шкафом?

* * *

«Низвергнутая первосила, провинившиеся боги. Они надолго поселились у берегов Лаи в мутном, словно кисель, море. Наши праотцы были хорошими рыбаками, и почти-

тельными людьми. Фоморы давали людям пользоваться дарами моря, ведь люди тоже любили эту стихию. Первый улов всегда отдавался в угодку «нижним демонам», и сеть закидывалась ровно столько раз, сколько было членов семьи у рыбака.

Фоморы ведали магией и разбирались в плодородии. Когда вера людей в них закрепилась в поколениях, демоны стали выходить на берег и помогать людям при неурожае. Деревня Лаи прослыла удивительным местом, где сверхъестественное переплеталось с реальностью. Но племена богини Дану разгневались. Давнее соперничество переросло в страшную битву в море. Клан Богов, в конце концов победил, и остатки фоморов были изгнаны навсегда. В той бойне один полудемон, волоча за собой кровавый топор, выбрался на берег, и упал без чувств. Кихул. Тело цвета морской волны так пылало жаром, что капли дождя на коже с шипением испарялись. Его спрятали в одном неприметном доме. Лечили. В него истово верили, и однажды Кихул открыл глаза. Он плакал 90 дней и ночей, и все это время лил дождь. Он считал себя трусом и предателем, а люди видели в нем бога.

Кихул остался жить в Лаи, и женился на Тронде, которая его выходила. У них родилась сероглазая дочь с волосами цвета вороньего крыла. Фомор одарил знаниями всех женщин своего рода, а его дочь стала матерью друидов.

Женщины-друиды защищали деревню от врагов, берегли урожай, властвовали над погодой. Многое приписывали на-

шим ведьмам. Кое-что я и сам видел», – старый Бен о’Мили подмигнул.

– Значит, – Кона растерянно смотрела в выцветшие глаза старика. Бен пододвинул ей кружку с вишневым вином. Горло обожгло от глотка, – Мама тоже была друидом?

– И твоя мама тоже. Но она не хотела вызывать дождь в угоду огурцам, она мечтала уехать отсюда и забыть о своих снах.

– И я? Но ведь я ничего не умею.

– Наверняка ты чувствуешь в себе силу? – Кона неопределенно кивнула, и старик усмехнулся, – доживем до завтра.

– А что будет завтра?

– Самайн. Праздник ни прошлого, ни будущего. Старый год умирает, уступая место новому. Так и ты. Словно змея, сбросишь свою шкурку, и возродишься. Но это будет завтра. А сейчас иди поспи.

Кона спешила домой, когда на пустынной площади заметила брёвна, уложенные под наклоном к центру. Внутри такого шалаша проглядывалась солома и ветки. Окружали брёвна камни.

Лаи готовился к высоким кострам.

* * *

С дерева упало последнее яблоко. Кона сидела на ступеньках дома, прижимая к себе собаку. Она не чувствовала себя

здесь на месте. Ей было тепло дома, у очага в окружении вещей Ханны. Но в деревне гудел ветер вдоль домов, гудели люди, шептались, оглядывались. Женщины и мужчины отводили глаза, когда встречались с ней, а дети убегали на другую сторону улицы. Несколько раз они бросали ей под ноги камни и убегали. Вот только это не походило на детскую шалость. Чумазые, пропахшие рыбой дети селян бежали от неё быстрее ветра. В школе она тоже получала камнем в спину. А вчера камень прилетел в дом. Пока Кона слушала историю Кихула у старика Бена, кто-то очень меткий бросил булыжник в окно маленькой комнатки на втором этаже. Множество разноцветных бутылочек узором разлетелись по полу. Судя по этикеткам, темная лужа состояла из вересковой кашицы, плакун-травы, эссенции омелы и вербены. Дыхание остановилось, когда Кона обнаружила пропажу рукописной книги. Она всю ночь убирала осколки, смывала с пола вязкую жижу, и не переставала искать. Под утро, вымотавшись, Кона вышла вместе с Колем. Он на луну, а она от боли.

Утро выдалось ясным. И даже на тронутых инеем деревянных ступенях было приятно сидеть. Низкие каменные заборы не скрывали людскую возню вокруг подготовки к празднику Самайна. Репы и яблоки горкой лежали в больших корзинах. Тыквы с дырками вместо глаз теснились по подоконникам, а из держателя у входной двери торчали чёрные головки просмоленных факелов. Кое-где было слышно недовольное блеяние овец – их тщательно вычёсы-

вали.

Душа девушки томила предчувствием. Ведьма? Друид? В Дублине Кона бы отмахнулась от этой мысли, но в сакральном Лаи она сложила ее в пазл. Ведь если не знаешь какая ты, это не изменит твоей сущности. Пора пойти на встречу с собой и познакомиться. Но куда идти, когда ты в потёмках? Единственным доступным включателем были рисунки. Рисовала девушка по наитию, и откровенно говоря, даже ей было сложно распутать клубок из цвета, формы, эмоций и предсказаний. Вот и сейчас руки сами потянулись в сумку с мелками. Синий, красный, оранжевый. Кона закрыла глаза, и руки словно птичьи лапы пошлепали по бумаге, оставляя цветные следы.

– Кхе-кхе! – маленький сгорбленный старичок отворил калитку. Из кармана тёплой куртки торчало горлышко бутылки – вчерашнее вишнёвое вино. – Я пришёл помогать.

Дед Бен уселся рядом, улыбаясь и кряхтя. Обнял Кону, как родную внучку. В груди от такой простецкой нежности расцвёл цветок – распустился, запылал жаром. Кона разревелась прямо в его несвежую куртку. За книгу, за камни, ледяной ветер, Ханну и одиночество.

– Ну-ну, поплачь, маленькая ведьма. На Самайн ты должна быть пустой.

– Я не понимаю, что мне делать, – Кона вытерла слезы с пылающих щёк.

– Для этого я здесь, – улыбнулся дед, – знаешь, сколь-

ко мне лет? – он не дождался ответа, – восемьдесят семь! На моей памяти столько Самайнов! По-крайней мере, видимую часть я тебе расскажу, а к остальному тебя твоё чутьё приведёт. Собаку ты уже нашла!

– Коля? Я вытащила его из старого колодца. С веревкой на шее.

– Что ты говоришь? Какое зверство. Значит, он сам нашёл тебя. Черный пес будет нужен тебе для обряда. С ним ты пройдёшь между костров.

Они поднялись в дом, оставив на ступенях разрисованный лист. Темно-синий квадрат в оранжевых языках пламени.

Бен велел Коне отправиться поспать, а сам затеял печь пирога. «В доме должно пахнуть яблоками», – сказал старик. Он заботливо покормил Коля, налил себе вчерашнего вина и, напевая что-то, повязал фартук вокруг тощей талии.

Близился вечер, когда Кона спустилась. Отдохнувшая, полная сил. Гостиная преобразилась. В очаге пылал огонь, на круглом столе стояло не менее дюжины свечей. Они, словно солдатики, ждали своего часа. Шторы, отодвинутые по краям, обнажали окна. Кона невольно посмотрела на улицу – Лаи погрузился во тьму. Яблоки из сада Ханны живописно стояли в корзинах у входной двери. Коль, важно сидел у камина и следил, как Бен подбрасывает дрова в огонь.

– О! Вот и главная героиня праздника. Посмотри, Коль, – обратился Бен к щенку, – настоящая калех!

Щенок добродушно тявкнул. Кона действительно с удив-

лением ощущала течение неведомой силы. С легким дребезжанием сила разносилась по венам вместе с кровью. Наполняла. Оживляла. Дарила ту самобытность, к которой она долго шла. Уверенная улыбка появилась на лице, когда Бен с восхищением подал ей руку и усадил за стол. Он тоже это понял! Кона посмотрела в зеркало напротив. Черные волосы разгладились и мягкими волнами стекали с плеч. Кожа подсвечивалась изнутри, а губы, точно покусанные, алели вишнями. Тот, кто увидел бы ее стального цвета глаза, точно опознал бы в ней ведьму.

«Ну, слушай», – и Бен О’Мили поведал ей традиции празднования Самайна в Лаи, пожалуй самой наполненной предрассудками деревне во всей Ирландии.

До назначенного часа двери в домах деревни были закрыты. Во всем доме гасили свет. Мужчины и женщины, старики и дети в своих самых красивых одеждах ещё днём накрывали щедро стол, и готовились встречать гостей. Угощение как подношение, как дар, как сакральная жертва. Потому что гостями в эту ночь становились духи умерших и потусторонняя нечисть.

Эта ночь, как тесак, рубила Колесо Года пополам, отворяя двери зиме. Молчаливой и тёмной.

Часы на старой башне пробили одиннадцать раз. Темноту обняла тишина. Только в одном доме плясало пламя, и оттуда только что вышла девушка в длинном чёрном одеянии. Рядом, уже не поджимая уши, а гордо задрав нос, бежал ее

черный пёс. В руке калех держала зажжённый факел.

Было так темно, что она не чувствовала разницы, когда открывала и закрывала глаза. Но девушка уверенно шла к ближнему дому. Бледные лица соседей так неожиданно возникли в круге зарева, что она отпрянула. Но потом подошла к мужчине и поделилась с ним священным огнем из дома друида. Через минуту в очаге соседского дома затанцевали языки. Ведьма подошла к каждому дому, оживляя его утро, даря ему огонь и тепло. А потом направилась на главную площадь, ведя за собой вереницу из людей и скота. И ее тонкая фигура в круге факельного света завораживала и пугала одновременно.

Дойдя до вершины холма, Кона повернулась, за ее спиной возвышались костровые шалаши. В бликах огня Кона разглядела знакомые лица. Сейчас люди смотрели на ведьму страстно и почтительно. Их глаза блестели, а лбы покрыла испарина, будто они были в лихорадке. Кона подняла голову к луне. Ее кто-то вёл. словно за ниточки тянули тело, подводя к брёвнам, зажигая ее руками сначала один, потом другой большой костёр. Из губ сами по себе вырывались непонятные слова, ее трясло и бросало из стороны в сторону. Разум Коны притих, тело Друида с готовностью отдавалось этому танцу. Когда лунная песнь закончилась, Кона выпрямилась: «Начнём?»

Люди стояли неподвижно. Через цепочку сомкнутых рук током пробегал сокровенный страх. К костру со стороны леса плыли тени, покачиваясь, словно водоросли в воде. Они превращались в уродливые серые пятна, с мрачными глазами и жадными руками. Из темноты шла первобытная нечисть, та, что хранится глубоко в вере народа – бесформенная, шелестящая, чтобы погреться у огня и забрать свою жертву.

Между кострами стояла молодая калех в платье из чёрной парчи. Оно ниспадало с плеч, обнажая лишь тонкие кисти. Наконец, она сделала знак рукой, и серая нечисть приблизилась вплотную.

Ведьма потянула за веревку. Колокольчик на шее коровы нарушил тишину, и караван домашних животных медленно двинулся к Веде. Животные подчинялись воле друида, и шли тонкой тропой в пекло. Кона взяла на руки Коля и возглавила процессию. Она провела стадо меж двух костров. Каждый из стоящих здесь людей мог бы поклясться, что слышал протяжный вздох серых теней, когда первая корова вошла в огненный коридор, и восторженный крик, когда замыкавшая цепочку овца споткнулась и упала. Тело ее охватило пламя и облако призраков. За считанные минуты на земле остались белеть обглоданные кости. Откуп смертью за возрождение и спокойствие в следующем году. Когда все закончилось, Кона подняла несколько костей животного и бросила в бархат-

ный мешочек, сдобрив его внутренность корнем мандрагоры, огарком свечи, серебряными монетками, пучком сушеной травы и колосками пшеницы.

Кона подошла к Бену, и он засунул руку в мешочек. «Кажется, это мой последний Самайн», – усмехнулся дед, сжимая в руке кость. Кона погладила его по голове и подошла к Меретте. Соседка, отводя взгляд, достала огарок свечи – не миновать ей слез. Поочередно Кона подходила к каждому жителю деревни, называя имена даже тех, кого не знала. Все получили обещание на грядущий год – хороший урожай, богатство, спокойствие, слёзы, смерть и жизнь. Когда мешочек опустел, Кона пожелала всем счастливого Самайна, и разрешила идти домой.

Наступало время духов иного порядка. Умершие родственники входили через закрытые двери. Они трогали любимые предметы, поправляли занавески на окнах и взбивали подушки. Дух был не виден. Его присутствие угадывалось по шороху, шелесту. Умершие родственники садились за стол с живыми, чтобы разделить ужин и послушать обычных бытовых историй. С рассветом потухал очаг, уходили и духи, забирая с собой злобную серую нечисть, бесчинствующую на ночных улицах. Серый народ не щадил того, кто в эту ночь остался без крыши над головой.

Когда люди стали расходиться по домам, Кону ещё вела луна. Ее танец не закончился и теперь пришла пора встретиться со своими предками. Она знала что нужно делать.

У догорающего костра Кона подняла небольшой уголёк. Девушка позвала за собой Коля и они направились к морю.

Это был тот самый выдавшийся вперед гребень утеса, на который вышел израненный Кихул. Луна налилась ярким желтым светом, освещая это место. Поляна была покрыта сухой травой, а местами являла собой голую скалу. Кона очертила ещё тёплым угольком круг. Контуры его читались слабо, но магической силы это не отнимало. Девушка скинула с себя парчовое платье и нагая вошла внутрь. Она начала водить угольком по коже, рисуя таинственные знаки. На ногах, руках и животе. Потом она села на колени и стала раскачиваться из стороны в сторону, монотонно напевая.

В эту магическую ночь по лунной дорожке из моря к ней поднялись ее предки. Они по очереди входили в круг, чтобы поприветствовать нового друида.

Когда подошёл Кихул и дотронулся до лба Коны, ее пронзила такая сильная боль, что она согнулась пополам и замерла. Затем в круг вошли Ханна и Ула. Ханна присела рядом с ней на колени и поднесла свои губы к уху. Старая ведьма бесконечным потоком передавала ей знания предков. Мать села по другую сторону и гладила ее волосы. Конечнее так не хватало этой нежности и ласки! Постепенно все фигуры рассеялись, растаяла и мамина рука. Осталась лишь Ханна, красивая, статная калех.

– Привет, милая. Ты отлично справилась, – мягко улыбнулась бабушка.

– Я устала, – призналась Кона, – но я так рада тебя видеть! Как жаль, что ты, – она осеклась, – твоя земная жизнь закончилась, и нам не удалось поговорить.

– Нам суждено было встретиться. Но я нарушила гейс, и поплатилась жизнью.

– Гейс это запрет?

– Это обмен, – ведьма кивнула, – получаешь дар, а взамен даёшь обет. Переступаешь черту – умираешь в дни Самайна.

– Каким был твой гейс?

– Не насылать порчу на единокровного.

* * *

Солнце достигло зенита, когда Кона шла мимо площади. Туда-сюда сновали люди по своим делам, старательно обходя головешки костров. Кона остановилась у зияющих чернотой тлеющих дыр. Казалось, что само время через эти угольные норы прокладывает людям тоннель в преисподнюю. Несмотря на ледяной ветер, Кону бросило в жар. Она подняла из кострища уголёк и бережно положила в сумку.

Эту ночь она не забудет. Девушка бродила по лесу в поисках трав и корней, а дорогу ей освещала луна. Кона попрощалась с духами предков, но непостижимым образом диалог с бабушкой Ханной продолжился. В ее голове. Кона отчётливо слышала голос старой ведьмы: «Загляни под этот куст. Да, вот так. Молодец, девочка. Бери только нижние листоч-

ки. А здесь только цветы. Сейчас осторожно. Будешь выдёргивать этот корень, он запищит», – Кона отпрянула. Корешок неприметной травки («ночная тень», – поправила ее бабуля) внезапно закричал, обвился вокруг ладони, не желая попадать в бархатный мешочек. «Стащи с себя это трусливое создание, – негодовала Ханна, – хорошо. Тебе ещё нужно найти змеиные языки, смелее».

Ночь Кона провела будто в бреду. Ее вела луна и наставляла ведьма. Кона с достоинством принимала новую важную данность – она ведьма, калех, друид. Это дар и проклятье рода. Мудрость, с которой так и не смирилась ее мать.

Ханна рассказала Конe об Уле. Красивой, мечтательной. Ула зачитывалась любовными историями и грезилa о своём собственном рыцаре. Он увёз бы ее из этой захолустной деревеньки, навстречу приключениям и ветру. Ула отчаянно сопротивлялась своему предназначению. Она выходила на дорогу, ведущую на «большую землю», и ждала того, кто никогда не назовёт ее ведьмой.

И однажды летом, поднимая облако из песка и пыли, в Лаи приехал Том Кацер. Он путешествовал по побережью, и визит в маленькую рыбацкую деревню был очень кстати. Ула хлопотала вокруг него, показывая старинное кладбище, тёмный до синевы лес, скалистый обрыв у мутного моря. А наутро сбежала с ним, оставив записку для матери: «прости и прощай».

Ула и Том поженились и поселились в Дублине. В го-

род Ула была влюблена больше, чем в мужа. Пабы и рестораны, бизнес-центры, огромные парки и оживлённые площади. Ула часами сидела на скамейке и разглядывала прохожих. Беременность приземлила девушку. Она вспомнила свои корни, и дар, как дамоклов меч повис над будущим ребёнком. Ула отчаянно верила, что у них родится сын, Кон, который прервёт колдовскую цепь родового проклятия.

Для новорожденной дочери Ула даже не потрудились придумать новое имя. Кона стала ненавистным олицетворением того, от чего она сбежала. Однажды Ула Бирн отправилась в магазин и не вернулась домой. Спустя несколько дней ее тело прибило к правому берегу Лиффи. Ула повесилась на собственном шарфе у опор моста Калатрава. Маленькую пятилетнюю Кону отец отвёз в Лаи, к несказанному счастью бабушки Ханны.

Девочка прожила у Ханны счастливые 4 года, пока отец в один из визитов не заметил у девочки странности. Кона рисовала руны углём на стене, пела песни, носила в кармане корень мандрагоры и мастерила куклы с человеческими волосами. Том закатил скандал, и увёз дочь в Дублин подальше от дремучей мистики. Но от себя не уйдёшь. Отца давно нет. А она бежала домой с сумкой, от содержимого которой отец пришёл бы в ярость.

Ветер раскачивал безлистные скелеты деревьев. Могучий старый дуб, одиноко стоящий на холме противился стихии. Вдруг Кону словно пронзила молния. Воспоминания пере-

плелись с недавним сном. Она узнала этот дуб. Его густая крона служила ей тайным убежищем, дупло стало хранилищем самого дорогого сокровища маленькой девочки. То теплое и родное из ее сна – дубовая щепка с руной Хагалаз.

Перед глазами всплыла сцена, когда отец, в порыве гнева бросал в камин ее тряпичных кукол с волосами висельников (из старых запасов бабушки). Пучки ароматных трав шипели от огня, а корень мандрагоры извивался и пищал. Маленькую руну Кона сжимала в кулачке. Слезы застилали глаза. Отец продолжал кричать. И тогда она выбежала босиком в ненастье. Ветер гнал ее в спину, ночь скрывала от посторонних глаз.

А что если она там? Кона ловко, как в детстве залезла на дерево и нырнула рукой в тёмную дыру. Шарить внутри было ужасно противно. Нутро было волосатое, склизкое, мокрое. Наконец, Кона нащупала несколько щепок и извлекла их на свет. Даже со стертым временем символом, она узнала свою руну. Полуистлевшая щепка вибрировала, пульсировала, и тёплой тяжестью легла на ладонь.

* * *

Кона попыталась сосредоточиться на прикосновении к дубовой щепке. Пальцем повторяла очертания руны Хагалаз. Руны страшной, молниеносной и необратимой силы разрушений. Маленькой Кона выбрала для себя эту руну как пу-

теводную – ей нравилась ее простота и форма. Содержание? Девочка тогда не догадывалась какой глубокий смысл несет в себе символ. Nachel, называли своих ведьм древнегерманцы, для скандинавов Хагалаз это «град». Для Коны в этой руне – вся суть женщины ее рода. Она жестока и милосердна. Разрушает и созидает. Руна вернулась к ней очень вовремя. Именно сейчас нужно бросить камень в хлипкий фасад ее жизни, который стоит на иллюзиях и неуверенности. Из под града обломков она выйдет той ведьмой, которой ей предназначено быть.

Кона обхватила обеими руками толстый дубовый ствол, прижалась щекой к шершавой коре, и что было сил закричала и зарыдала. Навзрыд, не меняя темпа. Ей подвывал ее чёрный пёс, а она билась в агонии, чтобы оттолкнуться и взлететь. Душа Коны горела огнём, её поджигали эти вопли. Выжечь! Выжечь все страхи и отчаяния, чёрную тоску и серое томление. Отряхнуться, воспрять.

Потом все стихло. Вдох-выдох. Больше она не станет имитировать жизнь.

– Привет! – Тревор шёл навстречу Коне. Навстречу. Потому что кроме того мудрого дерева на этой тропинке больше ничего не было. Хотел увидеться, а удивился. Кона, вылитая Ханна, распустила чёрный хвост, покусала губы, расправила плечи. Подол ее длинного чёрного платья уже сильно испачканный осенней грязью, потяжелел. Кона улыбнулась ему глазами и, подняв юбку, перепрыгнула через лужу.

– Как в детстве.

– Ты была отличной прыгуньей.

Тревор накинул ей на плечи свою куртку. Разве было холодно? Но оказалось, что укутаться в тёплую парку очень приятно. Его куртка пахла немного рыбой, и много – мужчиной.

– Я подумал, может я смогу тебя поддержать? Ты устала.

– Поддержать или подержать?

– Как хочешь? – он остановил ее. Обнял запястья.

Целоваться с другом детства было странно. Вот только они хохоча убегали от булочника, с дымящимися пирожками, распиханными по карманам, дразнили гусей, перепрыгивали через канавы – делали все то, что доступно деревенским детям. А сейчас они делают то, что доступно взрослым – целуются и врут.

* * *

Меретте сидела у камина, но ей все равно не удавалось согреться. Женщина задумчиво смотрела на огонь, перебирая что-то в руках. Сжатая в злобе челюсть, поджатые губы.

«Где носит этого проходимца? Всего-то и нужно было, привести сюда эту чёртову девку!»

Меретте раскрыла ладонь. Маленький огарок свечи. И стоило бы выкинуть, но мысль о пророчестве засела в голове. А разве она не плакала всю жизнь? Обида, словно камень

засела в солнечном сплетении – не проглотить, не выплюнуть. Однажды мать Меретте имела неосторожность рассказать тринадцатилетней дочери, кем на самом деле был отец. Не утонувший рыбак, а сосед Йон, недавно почивший. Знала бы мама, какие зерна бросила в душу молодой девушки.

«Я сестра ведьмы! У меня тоже есть дар!», – с такими мыслями Меретте бежала к Ханне. Ведьма встретила ее холодно и была высокомерна. Возможно, ей было неприятно узнать о побочном ребёнке отца. Но какое дело до этого Меретте? Пусть теперь эта глупая гусыня учит ее своим фокусам!

– Наш дар переходит только по женской линии.

– Врёшь! – кричала Меретте.

– Иди домой, девочка, выпей своё какао.

Злой ветер поселился в душе Меретте. С настойчивым упорством она доказывала себе, что у неё есть способности. Правда, без подручных средств не обходилось. Она травила чужой скот ядовитыми ягодами, и те болели. Она оставляла на домах соседей символы углём, и все боялись этих ведьминых меток.

Единственным смыслом ее жизни стало очернить Ханну. Никто не мог предположить, что за услужливой улыбкой Меретте скрывается такое коварство. Старый простофиля, муж Меретте, пытался ее вразумить. И тогда она немного увеличила дозу ягод в пироге. Удивительно, но статус вдовы в глазах людей прибавил ей значимости. Забавно было на-

блюдовать, как ее сын и внучка Ханны подружились. Меретте даже смягчилась. Но какое же торжество она испытала, когда отец увёз Кону, и старуха осталась одна.

В последние годы Ханна почти перестала выходить на улицу. Меретте решила, что ведьма слаба как никогда, и пора доставать вишенку к тарту. Она испекла яблочный пирог со своей особенной начинкой и отправилась к соседке. Старая ведьма не пустила ее дальше дверей калитки. Она выбила из рук Меретте приправленный ядом пирог, послав своей кровной сестре самых отборных проклятий.

* * *

– Что это, мама? – Тревор держал в руках книгу: каждая страница от угла к углу порезана острым ножом. Безобразная рвань поверх ровного почерка. Меретте встрепелась. Женщина увидела в глазах сына гнев.

– Это бесполезная литература, сынок, – она попыталась придать голосу равнодушие. – Ты один?

– Я проводил Кону домой. – Мать прятала глаза, суежилась, но он встряхнул ее за плечи, – Это книга Бирн? Что ты сделала?

– А ты почитай, если сможешь, – зашипела Меретте, ткнув пальцем в порванную страницу, – там ничего нет про меня! Эта дрянь Ханна даже слова не написала о своей сестре!

– Ты с ума сошла. Какая сестра?

– Я сестра ведьмы! А они меня не научили! Ханна и ее паршивая мать отобрали у меня отца, отобрали у меня дар! И твоя чёртова девка приехала на все готовое, только потому, что это ее право по рождению!

Меретте плевалась ядом. Её привычная улыбка превратилась в уродливую щель, из которой упругой плёткой вылетали слова, разрезая пространство вокруг. Меретте выхватила книгу и бросила в огонь. Тревор в ужасе переводил взгляд с матери на пылающие страницы. Как долго она держала в заточении свою сущность? В дверь забарабанили. На пороге стояла Кона, на руках – безжизненное тело Коля. Слезы высохли, оставив на щеках солёные следы.

– Еда в миске была отравлена. Кто-то был в моем доме, – она смотрела на Меретте, хоть и обращалась к Тревору. Мужчина взял пса, приложил ухо к шерсти.

– Он жив, я отнесу его к ветеринару!

– Ты смотри, – изумилась Меретте, когда Тревор ушёл, – ни веревка его не берет, ни волчья ягода!

– Зачем вы это делаете? – Кона подошла вплотную.

Меретте поняла, что разыгрывает свою последнюю партию.

– Потому что я терпеть не могу весь ваш род, – чеканя каждое слово, произнесла она, – Тебе для Самайна нужна была чёрная собака. И я их всех истребила. Но этот гадёныш сбежал. Тогда я побила банки и книгу украла. Пирог мой ты выбросила, но псу я новое угощение припасла, – она зашлась

в хохоте.

Внезапно люстры начали раскачиваться, лампы замигали и погасли. Из камина что-то выпрыгнуло. Кона поманила пальцем – и один за другим из огня посыпались пламенеющие угли, разлетаясь по дому. Меретте в ужасе попыталась увернуться, но оказалось, что дом охвачен огнём. И среди дыма сверкали глаза цвета стали.

Эпилог

Дверь калитки открылась. Во двор вбежал пёс, размахивая хвостом. Он привычно облаял старушку, сидевшую в кресле-качалке под размашистым клёном, и скрылся за домом.

– Привет, Мам, – следом вошёл Тревор, – греешься? – он повернулся к яркому летнему солнцу. – Я рыбы принёс, – в ведре колыхались рыбы хвосты.

Женщина не повернула головы в его сторону, и тогда Тревор поднялся в дом. Клетчатый плед, которым были укрыты ее ноги сполз к земле, обнажив безобразные шрамы от недавних ожогов. Это страшно рассердило женщину. Она зло скривила рот, но оттуда не вырвалось ни звука. Худое лицо только покраснелось, а по щекам полились слезы. Коль подбежал к ней, сел напротив и стал лаять.

«Смеётся надо мной, паршивец», – подумала женщина.

«Зовёт на помощь», – встрепелась Кона.

Минули зима и весна с той страшной ночи, когда Кона громом рокотала и обрушивала проклятия. Тогда она ощутила в себе мощную силу. Это пугало и завораживало одновременно. Ей стоило только подумать, как мысль молниеносно превращалась в действие.

И вот уже с каминной полки летят вазы, разбиваясь вдребезги на миллионы осколков. Ставни снаружи размашисто стучат по стенам дома. Угли продолжают выпрыгивать из огня, словно спелые ягоды, оставляя чёрные следы, прожигая пол. Глаза Кона сияли холодным светом, отражая страх, которым была охвачена Меретте. Калех поднимала бурю одним движением рук: вокруг все кружилось и грохотало.

Ее вздорная бабушка Ханна прокляла единокровную сестру и поплатилась жизнью, нарушив свой обет. Погром в тайной комнате, утраченные элексиры. Удастся ли восстановить запасы, которые бережно собирались веками? А книга? Коль, перенесший с ней тяготы колдовской ночи, уставший и голодный, набросился на миску с едой, и был отравлен. Камни в спину, и камни в сердце – всё порождение этой несчастной, злобной женщины. Она много лет методично отравляла память и уважение к роду Друидов, к истории Лаи. Чего ещё она заслуживает, как не смерти?

Кона рассвирепела от собственных мыслей, раззадорила себя, накрутила. Она подняла вокруг Меретте облако дыма, рыхлое как воздух, плотное, как смерч. Но вдруг она уловила странную вибрацию в теле. Кона почувствовала, что они

не одни. Сквозь дым ей удалось разглядеть очертания того, кто сидел на шкафу. Почти бирюзового цвета кожа, плавные линии мускулистого тела. Кажется, из одежды на нем была лишь набедренная повязка, а сзади колыхался то ли плащ, то ли крылья. Узкие щели серебристых глаз, копна чёрных волос и ветвистые рога – это был Кихул, демонический пра-родитель Коны.

Его присутствие парализовало. Кихул щелкнул пальцами и время остановилось. Меретте застыла в ужасе, в окружении хаоса из предметов, осколков и пепла.

– Ты сильная девочка. Слишком долго в тебе копилась энергия, – он легко спрыгнул со шкафа и подошел к Коне. Демон говорил строго, но его глаза смеялись.

– Не понимаю, как мне это удалось, – Кона удивленно огляделась. Неужели это все натворила она?

– Ты научишься управлять силой. Но ты должна знать, зачем она дана. Ты – жрица. Ты – хранитель традиций, и продолжатель моего рода, – его голос смягчился. – Эта женщина натворила много бед. Она очернила наш род и посеяла зерна сомнения в людях. А когда люди перестают полагаться на легенды, у них мало будущего. Потому и у нас нет будущего. Женщина достойна смерти.

Кихул указал на Меретте пальцем и вопросительно посмотрел на Кону. «Я убью ее, если пожелаешь», – Кона не услышала, она прочла его мысли.

– Нет, пожалуйста! Оставь ее. Я уверена, что она больше

не станет мешать. Она достаточно напугана.

– Я не прошу тебя стать для Лаи матерью и дочерью, – серьезно сказал Кихул, – но ты Друид, и это накладывает отпечаток на твою земную жизнь. – Демон выпрямился, – Ты готова узнать свой гейс?

– Да, – Кона затаила дыхание. Вот она! Расплата за силу и знания.

– Ты никогда и никому не посмеешь отказать в помощи. Повтори.

– Я никогда и никому не откажу в помощи...

– Для равновесия и во имя высших сил. Слово в обмен на жизнь, – на ладони Кихула золотом засияло клеймо – морской кракен в переплетении своих щупалец. Демон подошёл к Коне и сжал руку. Стало горячо. Символ отпечатался на ее тонкой коже, загорелся и погас.

– А ещё роди ребёнка, – он улыбнулся ее удивленным глазам, – это не гейс. Пожелание.

– Но что делать с этим? – Кона в растерянности огляделась. Реальность застыла, замер огонь и дым. Ведьма очнулась от собственной опьяняющей мощи, а стихия продолжит пожирать все вокруг.

– Что делать? Выполнять обет. Посмотри в ее глаза, – Кихул кивнул в сторону Меретте, которая, словно парализованная стояла, и едва осмеливалась дышать, – разве она не просит о помощи?

Кона перевела взгляд на соседку, и в этот миг Кихул исчез.

Вернулся шум, запах, страх. Через уже плотную дымовую завесу Кона подошла к Меретте и с силой потянула ее к выходу. Дом стонал. Что-то совсем рядом упало, поднимая новый столп пепла. Коне удалось нащупать дверь и она одним рывком ее открыла, выталкивая вперед Меретте. Та, словно окаменев, упала на землю. Было слышно ее сбитое дыхание, а из испуганных глаз текли слезы.

В ночь Самайна Кона пообещала Меретте много слез. Слезы злости и жалости к себе, – это все, что осталось у парализованной онемевшей старухи, которую приютила ненавистная ей «чертова девка». Меретте даже не радовалась счастьем собственного сына. Она скорбно наблюдала, как возмужал и посерьёзшел Тревор, выйдя из под ее опеки. И как он носится со своей уже беременной женой, этой меченой печатью кракена.

– Ты все рисуешь? – Тревор обнял Кону, разглядывая через плечо ее работу. Темно-синий дом венчала огненная корона, – последняя глава?

– Да, надеюсь, сегодня закончу с рукописью. Я рада, что удалось восстановить книгу, – серьезно ответила Кона. – Хоть мои иллюстрации немного странные.

– Они другие. Твои рисунки это эмоции, чувства и ощущения. Но знаешь, я тоже рад, что ты закончила. Наконец-то начнёшь спать спокойно.

Тревор ушёл на кухню, насвистывая что-то. А Кона погрузилась в невеселые мысли. Каждую ночь после того по-

жара ей снились сны: легенды о древнем роде из утраченной книги. А наутро она записывала видения и зарисовывала ощущения. Ночь за ночью ее то мучили зыбучие кошмары о временах гонения на ведьм, то накрывало тихой радостью простого счастья. Но до чего же было страшно ложиться спать, не зная, что ждёт. Тревор часто просыпался от ее крика, и держал за руку. Порой, перечитывая свежие главы, у него волосы вставали дыбом от того, что приходилось переживать Коне.

Но он не знал, что уже несколько ночей Кона не видела снов, но все равно просыпалась от ужаса. Ей было не по себе даже при свете солнца. Там, где она летает ночью нет тепла. Пустое пространство, всеобъемлющее Ничто. И мальчик с почти белыми глазами, шелестящий: «Ты узнаешь, что такое смерть».

Майя Гирш *@malinovuj_olen*

ДАР БОГИНИ БРИГИТЫ

Пролог

Автобус бодро подпрыгивал на кочках, помогая пассажирам проснуться. Шансов досмотреть ночной сон не было. Ещё никогда Лине не снились такие сны: живые, яркие, будто наяву. Но тряска автобуса вынуждала не грезить, а снова предаваться нерадостным воспоминаниям.

* * *

Две недели назад бабушке стало плохо. Лина сразу поехала к ней. Та была так слаба, что не могла даже вставать, но всё равно старалась улыбаться. Казалось, даже её волосы, которые сохранили свой золотистый оттенок и обычно как будто подсвечивали бабушкино лицо, теперь потускнели...

— Бабуль, ну ты как? — попыталась улыбнуться Лина, хотя доктор в коридоре успел предупредить, что надежды мало. «93 года — солидный возраст» — лишь развёл руками он.

– Да как, котик. Все мы знаем, как... Хорошо, что ты пришла, – бабушка, пахнувшая ванилью и ягодами, обняла Лину и положила ей на ладонь круглый предмет, – Посмотри: эта брошь переходит в нашей семье от бабушки к внучке с незапамятных времён. Перед..., – бабушка замолчала. Обе они понимали, перед чем, но отказывались принимать этот факт. Помолчав, она продолжила, – Моей бабушке тоже было 93. Она упомянула что-то про ирландские корни, но в том возрасте уж и сама толком ничего не помнила... А ты же знаешь, какое время было: ни сил, ни времени что-то выяснять не было... Попробуй ты, если тебе интересно. Сейчас-то и возможностей побольше. Или оставь, если не готова...

Оставь! Легко сказать! Не готова к чему? Да её природное любопытство этого бы просто не позволило.

Бабушка довольно быстро отправила внучку домой. По дороге Лина зашла к ювелиру и отдала брошь на экспертизу.

Через 3 дня он поразил Лину: фибула бронзовая, но настолько старая, что он не может приблизительно назвать даже век. Точно до нашей эры. Брошь, скорее всего, кельтская, а вот про клеймо лучше спрашивать у ирландских ювелиров. Жаль, бабушка не успела об этом узнать: утром того дня её не стало...

Застрявший в мостовой каблук предательски хрустнул и сломался. Из-под пятки вывалился пятак «на удачу» и, подпрыгивая, покатился по брусчатке.

«Да блиииин!» – ругнулась Лина. Вернуться домой, чтобы переобуться, она уже не успеет. Магазины ещё закрыты. Ну, почему именно сегодня, перед важным собеседованием?! Хорошо, что хоть сменку взяла. Всё ещё чертыхаясь, Лина переобулась в балетки и выкинула туфли в мусорку.

«Муррр!» – вдруг услышала она. Из-за скамейки вышел абсолютно чёрный котёнок с гладкой, блестящей шерстью и сел прямо перед девушкой, жмуря на солнце оранжевые глаза.

Нет, только не это!

«Котик, котичек, миленький, сиди... сиди, очень тебя прошу...» – пяťась от него, шептала Лина.

Она успела убежать от кота и вовремя прийти на собеседование. И хотя прошло оно в целом неплохо, «мы Вам позвоним» звучало как приговор. Лина была уверена, что это провал: слишком уж много было знаков в одно утро.

Домой она шла по той же дороге. Котёнок всё ещё сидел на том же месте и Лина подошла к нему поближе, надеясь рассмотреть хоть одну белую шерстинку. Котёнок посмотрел на неё, жалобно мяукнул и вдруг показался ей таким же несчастным, как она сама...

Так у одной очень суеверной девушки дома появился чёрный кот по имени Гудрон.

Глава 1

– Витька, билеты у меня на руках! Собирай чемоданы! – кричала в трубку Лина.

– Прости, малыш, я подумал, что тебе без меня будет лучше.

– В смысле, без тебя лететь в Ирландию? – засмеялась девушка, – ну, ладно, я тогда Ритку возьму?

– Нет, не просто в отпуске... вообще.

Короткие гудки телефона бились синхронно с пульсом. Тут же раздался ещё один звонок. И это не был Виктор, который мог бы хотя бы попытаться что-то объяснить. Позвонили с фирмы, на которой она неделю назад проходила собеседование. Конечно, это было «Нет». Вежливое, но всё же «нет».

Лина подозрительно покосилась на кота, но тот лишь потягивался на диване, довольно жмуря искристые глаза.

Да ну. Винить Гудрона было бы глупо: он всегда чувствовал её состояние и утешал по мере своих кошачьих сил. Ластился, смешил, согревал, утешал... Казалось, единствен-

ное, чего этот кот не умеет – это говорить. Ну, и пусть он чёрный. Лишь бы человек хороший... ой.

Совсем как её любимая героиня, Лина тряхнула кудрями и сказала: «Я не стану думать об этом сейчас. Подумаю об этом завтра». Отвлечься от всего произошедшего ей точно помогут сборы в страну, зелёную как глаза всё той же Скарлетт и её же платье из бархатной шторы...

Ритка с Линой полететь не смогла. Так и сказала: «Ты с ума сошла: осенью нужно летать в лето, я в такую холодину не могууу!» Поэтому вскоре подруга была ошарашена заботой о Гудроне, а Лина с рюкзаком стояла в аэропорту.

Заранее приобретённый аудиогид пытался развлечь её ирландским фольклором, но Лина думала: почему всё идёт наперекосяк?

«На дворе был май, очень я спешил:
Девушек оставил, им сердца разбил.
Па сказал «Бывай!», мама обняла,
Пинту на дорожку сыну налила...»

Ага. Бойфренд сказал «Бывай!» И не налил до сих пор никто. Вся надежда на Ирландию, где, говорят, этот пробел можно заполнить на каждом шагу.

«Я собрался в путь, срезал прут в лесу
И теперь себя защитить смогу
Я от злобных фейри. Буду их ловить,
Гоблинов гонять, привидений бить.»

«Феи, гоблины... мы же взрослые люди...» – было, подумала Лина. Но вовремя поняла, что её пятак под пяткой и вера в прочие приметы ничем не лучше. Да, кажется, она неплохо впишется.

«Броги должен был срочно я надеть,
По болотам чтоб ими погременуть.
А ещё собак чтоб всех распугать,
Если по пути стану их встречать.

Один и два, и три. Ещё четыре, пять,
Зайцев по пути стану я гонять!
Тропы по горам, конечно, непросты,
Но в Дублин приведут дороги и мечты...»

Что ж, дорога и мечта уже ведут. Слушая эту народную песню, Лина поняла, что ей становится легче. Хотя, кажется, актуальная жизненная ситуация к этому совсем не располагает..

«Сильно я устал, в Маллингаре спал,
С первым уж лучом я глаза продрал.
Старый Пэдди мне дал с собой бутылъ —

Из неё с утра сразу пригубил.
Всё теперь окей, сердце не шалит,
Пэдди этим средством всех нас исцелит.»

«Ах, эти милые ирландцы. Опять намекают выпить с горя,» – уже улыбалась Лина.

«Вспомнилось тотчас, как вчера сидел,
В пабе пиво пил, перед собой глядел.
Девушка одна, громко хохоча,
Подошла ко мне, мелочью бренча:
В нумера пойдем? Больно ты насуплен.
Но я так устал по дороге в Дублин.

Один, и два, и три...»

Лина не устала. Наоборот, теперь она была полна сил и энергии. Песня длилась ещё куплета 3 или 4 и с каждой строчкой становилось спокойнее.

«Тот, кто сможет спеть эту песню на одном дыхании – превратится в пинту Гиннесса» – прозвучало в наушниках, и теперь уже Лина смеялась в голос.

Да, с выбором турнаправления она явно не прогадала...

Глава 2

Пару часов спустя Лина ступила с трапа на родную землю предков Скарлетт О'Хара, и, как оказалось, своих собственных.

За время полёта и поездки от аэропорта в центр города, благодаря аудиогиду, она набросала в блокноте план-минимум. Поиск ответов на вопросы, конечно, важен, но и шанса поближе познакомиться с волшебным зелёным островом, каким она видела Ирландию и в который давно уже была влюблена заочно, она упускать не собирается!

Дублин встретил её гулом транспорта и криками чаек. И последние были намного громче. Порывы ветра били наотмашь, а после дождя пахло мокрым асфальтом и... свободой!

Нет, сегодняшний день она посвятит только этому шумному городу. Из конкретных планов – только выпить пинту Гиннеса и купить что-нибудь на память.

Сувенирные магазины были на каждом углу и все имели примерно одинаковый ассортимент. Но помимо бижутерии, изделий из шерсти (а шарф всё-таки нужен!), всякой ерунды с клевером, овцами и лепреконами, там были чёрные кошки! Оказалось, в Ирландии верят в то, что они приносят счастье. Лина обрадовалась и сразу отправила Рите фото сувенирного кота на удачу: «Раз я немножко ирландка – можно теперь верить в это! Кстати, как там мой талисман Гудрон?»

Как Лина вышла к антикварной лавке в какой-то нетуристической улочке – она даже не поняла и дорогу к ней снова вряд ли нашла бы. Вдруг показалось, что это какое-то дежавю и любое неосторожное движение рассеет его. Практически не дыша, она протянула руку и толкнула скрипучую дверь, которая, к счастью, никуда не исчезла.

Внутри было темно и пыльно. Повсюду лежали разномастные книги в потёртых обложках, на полках стояли склянки, статуэтки, лампы. На столах с изогнутыми ножками горами стояли тарелки и чашки, лежали столовые приборы...

Пройдя через эти сумбурные нагромождения, Лина нашла, наконец, продавца. Он улыбнулся, прищурил на неё один глаз из-под седой косматой брови и сказал:

– Вы красивая. Не видел вас тут раньше. – он, что, пытается с ней флиртовать?

– Я впервые в Ирландии.

– А выглядите совсем как местная, – кивнул он в сторону её рыжих кудрей, – и заметил Линину брошь, – Любопытная вещица. Позвольте, я взгляну?

Лина отстегнула брошь и подала продавцу: если кто-то и знает в этом толк, то он...

Глава 3

Задумчиво почёсывая щетину, он сказал:

– Кельты делали украшения из бронзы. Жаль, клеймо плохо видно... давайте, почищу?

Он чистил и рассказывал, что в Ирландии по сей день верят в сказочных существ. Что не пилят волшебных деревьев и общаются с феями. Что есть официальная директива, запрещающая отлов лепреконов...

Когда тёмный налёт с броши был удалён, она начала отливать рыже-розовым.

– Теперь она лучше подходит к цвету ваших волос! – удовлетворённо сказал продавец и продолжил, показывая Лине обратную сторону, – Видите? Это узел богини Бригиты. Легенда говорит, что у неё было три сына и ни одной дочери. Поэтому свой дар она передала внучке. И с тех пор он передаётся через поколение. Разные женщины были в числе потомков богини, но все они наследовали её дар, потому что тот был заключён в волшебной фибуле. Только вот не все хотели принимать его и со временем стали воспринимать как сказку, в которую мало кто верил... – вздохнув, мужчина вернул Лине брошь и выжидающе смотрел, – Это принадлежит вам. Если вы готовы...

Лина собиралась просто приколоть брошь обратно на шарф, но, дотронувшись до украшения, вдруг услышала женский голос. Перезвоном колокольчиков звучало её имя.

Её кто-то звал.

– Вы это тоже слышали? – испуганно спросила она продавца. Он должен был слышать. Это же так явно звучало в её ушах.

Тот лишь снова хитро прищурил глаз и совсем непонятно ответил:

– Конечно, готовы! Это знак!

Вдруг перед глазами всё поплыло. Очнувшись, Лина поняла, что сидит в комнате хостела. В какой стороне могла быть та антикварная лавка – она даже не догадывалась. Куда делся странный разговорчивый дядька? О каком даре шла речь? Может, ей вообще всё это показалось?

Лина достала телефон, чтобы задать все свои вопросы всезнающему интернету. Но что спросить первым делом: возможны ли галлюцинации от пинты пива или кто такая Бригита?

И тут она обнаружила ответ от Риты. Это было фото газетной статьи о финансовых махинациях в компании, в которую Лину не взяли на работу. Потом шло сообщение: «Витька в КПЗ за вооружённое нападение. Похоже, Мироздание хранит тебя от мудаков» Следом было прикреплено фото довольного Гудрона с подписью «А за толстяка не волнуйся!»

Глава 4

Окей, гугл... кельтская богиня Бригита. Дочь верховного Бога Дагды, богиня войны, а в мирной жизни – покровительница поэзии, ремёсел и врачевания. Помогала женщинам при родах. Лина задумалась: её бабушка была врачом, а прабабушка, кажется, повитухой в деревне. Но вот дальше о своей родословной Лина, к сожалению, ничего не знала. С этими мыслями она и уснула.

* * *

– Да не хочу я на этот корабль: я на «Олимпике» уже поплавала, что-то не очень понравилось... – говорит Лина незнакомым людям, чувствует, однако, что это её друзья.

– Кейси, да брось! [а, понятно: сейчас она – вовсе не она и её зовут Кейси] Опыт работы там – отличная рекомендация в будущем! Тем более, с этим кораблём ничего не может случиться! Он непотопляемый, это все знают!

Девушка колеблется. Но с крепкой верой в Бога в сердце всё же всходит на борт лайнера. Лина бы ни за что на него не поднялась. Но, к сожалению, повлиять на события в этом сне она не может и лишь крепко сжимает в руке листок бумаги. В каюте Лина разворачивает его и видит, что на нём от руки написана какая-то молитва. Она ежедневно чувству-

ет напряжение девушки, в теле которой находится, но набожная Кейси молится каждую ночь перед сном и успокаивается.

Когда она чувствует толчок, она уже почти спит.

– Пассажирам выйти на верхнюю палубу! Пожалуйста, покиньте каюту, мисс Джексон!

«Господи Боже, как отсюда выбраться?» мечется Лина в теле неизвестной ей девушки. Она-то понимает, что они находятся на «Титанике» и что это значит! Но Кейси лишь молится.

Спасательный жилет... Отче наш, сущий на небесах... шлюпка номер 16... да приидет Царствие Твое... чей-то ребёнок на руках... и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

Утро.

Спасены!!!

Далее события сна разворачиваются стремительно.

Первая мировая – сестра милосердия.

Гибель мужа.

Вторая мировая – медсестра в тылу.

Голубые глаза, ямочки на щеках, блондин.

Второй брак – с советским солдатом.

Переезд...

И вот она сама уже лежит в постели и морщинистой рукой вкладывает в ладонь молодой девушки кельтскую брошь.

Присмотревшись, Лина понимает, что знает эту девушку не только во сне! Точно так же выглядит бабушка на старых черно-белых фото – свидетелях её молодости...

* * *

Лина проснулась ещё до рассвета. Это нужно было осознать и переварить.

То есть вот только что, сейчас, во сне она была своей собственной прапрабабушкой? Выжила на «Титанике» и уберегла от смерти чьего-то ребёнка? Спасла десятки или даже сотни жизней во время двух войн? Или это всё-таки просто ничего не значащий сон и слегка затуманенное «Гиннессом» сознание?

Глава 5

Проворочавшись, под утро Лина снова задремала.

Волшебные, сказочные, но не всегда радужные эпизоды снились ей.

Кровопролитная битва и переселение их народа под холмы, где бок о бок с ними живёт много разных потусторонних существ.

Открытие ворот на поверхность раз в год.

Огромный костёр, жертвоприношения.

Её выбор падает на сына короля. Он не может противостоять. Никто не мог бы.

Ещё один яркий отрывок из чьей-то (подземной?) жизни. Такой густой туман, что непонятно, где она находится. Пахнет тиной. Холодно. Девушка идёт наугад, практически не видя даже своих собственных ног. Но чувствует, что они босые и путаются в мокром подоле длинного платья.

Вдруг в тумане начинают угадываться какие-то тёмные очертания. Силуэт очень быстро приближается. Она даже не успевает разобрать, кто это или что. Пронзая плечо острой болью, существо сбивает её с ног и нависает над ней. Теперь оно так близко, что можно заглянуть в оранжевые глаза с узкими зрачками. Рассмотреть клыки размером с большой палец и капающую с них слизь. Почувствовать запах серы и гари. Дотронуться до горячей кожи – шершавой, будто обожжённой огнём. Местами полностью голой, местами покрытой коростой, местами с остатками шерсти.

Лина понимает, что намерения у чудовища не самые добрые и если она ничего не предпримет – её съедят. Заклинение света! Срочно!

Силы в глубинах земли, светила небесные,
Огонь древний, богами дарованный,

И костёр Тары священный, по жилищам разнесённый,
Сыновей Миля согревающий и оберегающий,
Рассейте тьму, уничтожьте духов зла!
Призываю вас всех, воссияйте разом, здесь и сейчас...

Как только Лина начинает говорить – чудовище засты-
вает. Когда она заканчивает – ослепительный свет целиком
заполняет видимое пространство и всё исчезает: и адская
тварь, и туман...

* * *

Лина открыла глаза. В окно уже светило солнце. А её ступ-
ни до сих пор были мокрыми, холодными и испачканными
илом. На плече же красовалась длинная кровоточащая сса-
дина...

Срочно в душ. Выпить кофе. Проснуться окончательно
и перепроверить. Не могло же это быть правдой?!

Чёрти что происходит в этих снах. Было похоже на крат-
кое содержание нескольких тысяч предыдущих серий в се-
риале. Но его же ещё надо понять и связать воедино все сю-
жетные ниточки...

Глава 6

Блин! Три чашки кофе.

Ей это всё не показалось. Не просто приснилось! Апте-

карь тоже видел рану и удивился, где это Лина столкнулась с такой огромной зверюгой. Да что за чертовщина такая!

Лина не знала, за что схватиться и как успокоиться. Вероятно, любой ирландец порекомендовал бы выпить пинту-другую, поэтому у аптекаря Лина даже спрашивать не стала. И вообще на сегодня запланирована экскурсия. Кстати, «Тёмная сторона Дублина». Очень вовремя. Так что лучше уж в трезвом уме... «Там и отвлекусь!» – захлопнула Лина дверь за собой так яростно, будто это она была во всём виновата. Чувство стыда за чуть не вылетевшие стёкла аптеки немного приглушило панику.

О том, что она пошла на эту экскурсию, Лина пожалела почти сразу.

Сначала всё было довольно безобидно: она шла по городу и ей казалось, что она здесь родилась: она видела другие дома, знакомые двери и знала жильцов по именам. Или видела рынок там, где его не было.

Гвалт, крики, торговля полным ходом. Какая-то дородная тётка ругалась с продавцом за несвежую рыбу (душок был и вправду тот ещё!) и даже умудрилась с треском врезать ему по левому уху этой самой рыбой. Кто-то торговался за полпенни так бурно, будто это вопрос жизни и смерти. Бродяга стащил у продавца фруктов яблоко. А вот женщина с тележкой, которая продавала свежайших устриц и мидий, о чём

громогласно всех и оповещала каждые 5 шагов. Здесь толкнули, там обвесили.

Всё это Лина воспринимала всеми чувствами, хотя понимала, что на самом деле, если судить хотя бы по одежде людей, это картинки из чьего-то прошлого.

Настоящие проблемы начались возле замка, в подземельи которого когда-то находилась тюрьма. Неожиданно Лина увидела перед собой тёмное помещение и почувствовала едкий запах плесени с примесью чего-то гнилостно-сладкого. Она была связана, и под пытками из неё пытались вытянуть какие-то признания. В Лининой голове мелькали мысли: «Что они хотят от меня? Какие ещё полёты на метле?» Женщина же, в теле которой находилась девушка, обречённо понимала, что это инквизиция, и никто её никуда не отпустит: уметь лечить травами – это не мелочь. Но она не признаётся в надежде, что её оправдают. Лина испытывала чувства двух человек: и самой себя, и той женщины. И вот в ход пошла классика инструментов экзекуторов: испанский сапог. Послышался хруст расдрабливаемых костей, женщина из видения закричала и практически сразу потеряла сознание, и Лина тоже физически ощутила эту боль! Все волосы на её теле встали дыбом, сердце билось где-то в пятках... вернее, пятке, потому что второй она на тот момент не чувствовала.

Голос гида вернул её в реальность: «Палачу не платили денег. Он пытал людей из чистого удовольствия. И не нужно так кричать: в те времена это было в порядке вещей, примерно как сейчас – есть сэндвичи». После этого видения нога Лины сильно болела и передвижение усложнилось.

А под конец экскурсии они и вовсе проходили через арку, где, по утверждению гида, раньше жгли ведьм. И там Лина вдруг увидела костёр своими глазами. Но не сторонним наблюдателем, а изнутри, будто сама находилась в нём.

Остатки её одежды искрящимися клочками взвивались вверх и летели над толпой зевак. От боли помутнело в глазах. Господи... за что?!

Языки пламени облизывали кожу, которая от этого вздувалась пузырями, лопалась и чернела. Тлели в жаре костра волосы и ресницы, обугливались ногти.

Женщина, глазами которой девушка видела происходящее, кричала и изрыгала проклятия до самой смерти. А Лина в реальности до этого самого момента не могла сдвинуться с места. Её как будто приклеили тут к брусчатке: одной здоровой ногой и одной покалеченной. Текли слёзы. От собственной боли, от жалости к сжигаемой «ведьме», от неприятия этих диких нравов. Как только казнь закончилась – все видения прекратились. Только кожа чесалась так, что хотелось её с себя содрать.

Эти и другие моменты-вспышки дежавю так измучили Лину к концу двухчасовой экскурсии, что до своего хостела она еле добралась. Паника теперь только усилилась. Почему она чувствовала всё это? Сомнений не было: она только что видела город глазами женщины, несколько сотен лет назад сожжённой по обвинению в колдовстве. Но неужели и между ними есть связь? Сны снами, но когда вот так, наяву... И что теперь делать с кожей и ногой?

Наконец, Лина доковыляла до своей комнаты и с облегчением начала раздеваться. Едва отколол брошь, она поняла, что боли тут же исчезли! Девушка стала пристально рассматривать и изучать фибулу и вдруг окончательно осознала, что это – не просто красивое украшение, доставшееся ей от бабушки. Это и связь поколений, и все знания предков, и защита, и возможность перенестись в прошлое. Как работает в частности последнее – Лина пока не поняла. Ясно одно: в их роду были не самые обычные женщины...

Глава 7

Ответы на вопросы постепенно находились, страх отступил. Только вот без броши она теперь даже спать не ляжет! Неизвестно, что ещё там приснится и успеет ли её пра-пра-пра-какая-то-бабушка прочитать заклинание. Вечером, при-

колов брошь на пижаму, Лина спокойно уснула.

* * *

На ней надето светлое платье из льна и тёплая шерстяная накидка, скрепленная фамильной фибулой. Лина осматривается: она находится в каком-то поселении. Она уже видела такое в каком-то фильме: домики круглой формы, покрытые соломенными крышами, совсем рядом пасётся скот. Пахнет обычной деревней и как будто немного походом: вокруг природы, чувствуется дым костра, разносятся ароматы готовящейся пищи (судя по всему, тут едят много мяса!) Люди высокие, а большинство из них ещё и такие же рыжеволосые как Лина. Все они носят украшения, даже мужчины.

«Ух ты, какой торс!» – оборачивается девушка вслед бородатому бруталу, но её новая сущность будто одёргивает её изнутри. «Торквес, ну конечно, я думала про торквес!» – глубоко вдыхает она и не без радости вспоминает, что парня у неё больше нет.

Её позвали в поселение на помощь: у одного из мужчин после недавней схватки с соседним племенем воспалилась рана. Лина понимает, что женщина, в теле которой она в этот раз находится – кто-то вроде деревенского врача и лечить людей для неё – привычное дело. Лина с детства любила иг-

рать в больничку. Только вот методы лечения этой женщины, вероятно, посложнее, чем приложить к ободранной коленке смоченный слюной подорожник. Но всё же Лине тут нравится!

Вдруг она едва удерживается, чтобы не вскрикнуть: она видит не совсем обычный частокол, сплошь утыканный человеческими головами. Некоторые из них – черепа, некоторые – совсем свежие, с почерневшей на краю среза кровью... Мутнеет в глазах, и тошнота подхватывает к горлу. Но лишь на миг: ведь сейчас она не Лина. А для той, кто она сейчас, такие картинки – норма.

Над входом в дом тоже висят человеческие черепа. Внутри находится одна большая круглая комната. В самом её центре над открытым огнём висит котёл. У стены на шкурах животных лежит мужчина. Лина знает, что делать: промыть рану вином, срезать заражённый слой, прижечь раскалённым мечом, приложить кашицу из смеси трав... В ней нет ни капли безгливости или неуверенности, ведь в этом теле подобные операции она проводит не впервые. «Призываю тебя, о, спаситель Земли и врачеватель самих Богов. Добро пожаловать в этот дом, Диан Кехт!»

За всё время воин не издаёт ни звука и лежит, стиснув зубы. После произнесённого девушкой заклинания взгляд ра-

неного немного проясняется. Еле шевеля сухими губами, он произносит: «Благодарю тебя, Аластриона!»

И Лина теперь точно знает, в чьём она теле: женщины-друида, чьё имя означает «Спасительница человечества».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.